

МИР СЕРОЙ
НОЩИ

11

Кирнос С.В.

Восхождение к власти
день гнева

18+

2019

Степан Кирнос

Восхождение к власти: день гнева

«Автор»

2019

Кирнос С. В.

Восхождение к власти: день гнева / С. В. Кирнос — «Автор»,
2019

Мир постепенно меняется. Отброшенный в великий кризис он готовится потухнуть окончательно, но ослабевшие разрозненные страны поддерживают в нём жалкое подобие жизни, отчего цивилизация походит на живой труп. Осколки, государства, бывшей Италии сцепились насмерть за тень былого величия. Среди них возвысилось царство прогресса и науки, поражающее истерзанные души людей своим великолепием и могуществом, однако мало кто знает, что творится в мрачных закромах "утопии-во-плоти". Она стала оплотом науки и прогресса, светочем и маяком во тьме техноварварства и дикарства. Однако цена этого слишком велика, и не каждый может принять это. Многие люди боятся эту страну и требуют её гибели. Канцлер юга внял мольбам и бросил все силы, дабы свершить над ней страшный суд. Его крестоносцы уже отправились в путь с огромным воинством, молитвой на устав и верой в сердце.

© Кирнос С. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Часть первая. Инфомократия: мир запрограммированных душ.	10
Глава первая. Мир постинформационный	10
Глава вторая. За гранью избранности.	19
Глава третья. Поломанный кардинал	28
Глава четвёртая. Вирусная идея	37
Глава пятая. «Во имя Макшины!»	47
Глава шестая. Нежелательное знание	56
Глава седьмая. «Ради общего блага!»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Степан Кирнос

Восхождение к власти: день гнева

«Постиндустриальное общество, информационное общество – это совсем не свобода человека в информационном пространстве и не безграничность его новых возможностей, а царство манипулятивных технологий, где власть сосредоточена в руках узких групп людей. И роль государственного управления становится здесь ключевой, его качество – решающим».

– Александр Сергеевич Запесоцкий, учёный докризисной эпохи*.

«Берегите свои души, ибо в этом развращённом мире власть техники и информации над разумом лишает всякой человечности. Безумная любовь к технологиям, страсть и слепота способны сделать из нас лишь тень самих себя, фанатиков, поклоняющихся своим творениям подобно идолам».

– Сарагон Мальтийский, «чёрный пророк» и философ эпохи великого кризиса*.

«Мстящий – всегда судья в собственном деле, а в этом случае трудно не потребовать больше, чем следует».

– Мадлен де Пюизье, французская писательница

«Не поможет богатство в день гнева, правда же спасёт от смерти»

– (Книга притч, 11:4)

Предисловие

Эта книга часть литературной вселенной «Мир серой ночи».

Окончание всеконтинентального кризиса*, завершение эры новых тёмных веков*, в которые рухнула цивилизация, построение принципиально новых общественных систем, подчас безумных и лишённых человечности и начало Святого крестового похода – всё это не просто события, но знамения, которые возвещают о строительстве нового мира. Грядёт рассвет новой эпохи огня и меча, периода камня и веры, который рассеет мрак над Апеннинскими горами и позволит свету новых истин устремиться дальше, выжигая мерзость, сокрытую под мраком разрухи и кризиса. Но всему своё время.

Мир находится на исходе великого кризиса, чьё всепожирающее пламя спалило цивилизацию, а энтропия низвела развитие планеты до техноварварства, до власти сект и диких культов. Над Европой установился гнёт безжалостных господ, балом правит жестокость иерархов уродских культов, а алчность королей не знает предела. Некогда прекрасный край стал страшным местом мучений сотен тысяч и миллионов людей. До построения великой Империи «Рейх» ещё несколько десятилетий, но уже сейчас начинает брезжить луч нового рассвета, всё больше и больше людей чают изменений.

Центром грядущих изменений становится территория бывшей Италии. Теперь там раскинулось множество государств и сект, ведущих неустанную войну друг против друга. Земля, где зародилась великая Римская империя, пребывает в запустении и не знает покоя, ибо те, кто возвысился над обычными людьми, упивается утолением своих похотей, терроризируя собственный народ. Их зовут неофеодалами. Всё погружено во мрак – то, что могло раньше зваться страной, превратилось в уделы царьков и князей, дома республик и земли нового жречества. Они стали костяком новой элиты, нового общества, где снова привилегии передаются по крови или берутся силой, путём проливания крови. Как в любой мрачной сказке о тёмных веках тут есть свои лорды, плевавшие на закон, есть наёмники, готовые продаться за монету и есть просто бедные и несчастные, страждущие и голодные люди, ожидающие светлого момента, когда им перепадёт крохотка чёрствого плесневелого хлеба. Мир пребывает в полном соответствии с мрачными и пугающими предсказаниями о будущем, где человек станет человеку волком и несть мира.

Но не везде так – на северо-западе Апеннин раскинулась держава, которой ранее мир не знал. Глоток свежего воздуха, надежда на новый мир, как кажется. Это не просто удел грызущихся лордов, не пристанище обезумевших жрецов и не далёкая коммуна. Аурэлянская Информакратия – страна из книг про утопии и сказки. Люди, попавшие сюда, будут мыслить, что сделали шаг за порог сказочного бытия, которое сошёл со страниц произведения об идеальном обществе. Самые совершенные идеи нашли отражение в оплоте прогресса. Тут власть отдана самым умным и способным, где трудолюбивые нашли своё призвание в почётной и уважаемой работе, а рабочий люд не отдан на растерзание феодалу. Никому из великих мыслителей древности и не снилась построенная система, никто даже и представить не мог, что среди разорённой войной пустыни восстанет край процветания и блага. Власть способных перемежается с высоким развитием технологий, кажется, что именно этот уголок Италии станет эпицентром возрождения угасшей цивилизации. Самые умные и просвещённые, одарённые знаниями, трудолюбием и рвением, занимают места управителей и волостелей над теми, кто определялся для физического труда. «От каждого по способностям, каждому по потребностям» – этот стародавний девиз тут нашёл полное отражение. И кажется, что эта страна – высокотехнологичный рай на земле, которому нет подобных.

Однако зоркое око приметит, что не всё так просто, ибо за красивой ширмой может скрываться коварный обман, а за кулисами «рая» могут стелиться адские дали. Кто знает, какие истинные масштабы жертв, принесённых на алтарь социального прогресса, власть пытается скрывать за сахарными улыбками и распрекрасной картинкой.

Пролог

Последний этап Великой европейской ночи. Аурэлянская Информократия.

– За стабильность, за развитие, за Макшину и во имя становления нового мира, существующего ради всеобщего блага! – именно так начал уличную проповедь, человек, чей образ отдалённо напоминал древнего священника, облачённого в серый, глянцево-стихарь, утянутый поясом из проводов, а его полыхающие угольками адского огня диоды, заменяющие глаза, полны страшного фанатизма. – Мы, дети величайшего творения информационного правления и могущественной Макшины и именно нашей державе уготована великая судьба изжить гнетущую человечность в каждой душе, ещё не переделанной великим учением о Инфо-философии!

Голос проповедующего до изнеможения безжизненен – он отдаёт нотками технического металлического брэнчания, словно с народом говорит не человек, а самая настоящая машина, которой отдали приказ нести страстную проповедь в массы. Очи говорящего перестали гореть ярко-красным светом, и сила мысли тут же заставила их возгореться синим огнём, сверкающих из-под тёмного покрытия капюшона безжизненными фонарями.

Вокруг собралось человек двадцать, жадно внимающих каждому слову инфо-жреца. Их невзрачные облачения трепещутся от лихого ветра и вымокли под ледяным дождём. Два десятка, похожих одеждой как под копирку, слушают культиста, возносящего фанатичную, но безжизненную речь. Он стоит на фоне высоких, окружённых ореолом яркого синего света зданий, устремившихся в небо, и оттого его фигура становится ещё страшнее и величественнее. На каждом из двадцати по телу спадает по серо-металлическому балахону, закрывающему ботинки.

– Да! – всё так же, пытаюсь спародировать торжественность продолжает «жрец». – Я говорю о торжестве нового порядка, когда всякое подражание учениям о гуманности и либерализме, фашизме и коммунизме и прочим идеологиям лжи, исчезнет с лика земли, отчистив место для новой идеи!

Вся двадцатка тут же вздёргивает руки кверху, со сжатыми ладонями в кулак, в знак того, что они поддерживают слова. Кажется, что их разум так же окутан туманом беспредельной верности ко всему, что говорит это существо.

– Информация и её апостолы – вот истина для нового мироздания! – брэнчит механизмами горла проповедник. – У древних были такие слова – «Кто владеет информацией – тот владеет миром», ставшие девизом для нашего общества. Наши программанне* самые просвещённые и одарённые. И мы, как народ, чья власть владеет большим количеством информации обо всём на свете, станем править миром, только для этого нам нужно постичь полезность служения тем, кто выше нас.

Культист знает, о чём говорит. Информация – фундамент их общества и движущая сила развития государства, она – основа философии и идеологии Информократии. А те, кто обладают информацией, кто способны с ней обращаться так, как это действительно нужно, стали властью.

Смотря на народ, с двухметровой трибуны, проповедник понимает, что все они не просто винтики в огромном механизме, которым суждено стать использованными и быть может выброшенными через пару-тройку лет. Они есть те потоки, что питают всю машину, под названием Аурэлянская Информократия, и как только появится информация, что они больше не нужны, от них избавятся, как от ненужных элементов, препятствующих прогрессу. Но такому развитию событий он только будет рад, ибо они выполнят часть великой миссии, а значит, сделают свой вклад в великое будущее мира.

– Оглянитесь вокруг! – вздев металлическую руку, укрытую под синтетические ткани, воскликнул проповедник. – Мы живём в чудесном мире, где всем правит информационная необходимость и нужда в ней. Разве человек так важен, перед информационными потоками? Разве человеческая жизнь ценна по сравнению со стабильностью и развитием, которые нам даёт наша великая философия и апостолы?

И в действительности – куда не кинь взгляд, везде возвышаются огромные высокие технологичные дома, объятые синим электрическим огнём диодным ламп, зажимая маленькую квадратную площадь, где читается проповедь, в лесу высоким десяти, двадцатипятиэтажных построек. Они – олицетворение прогресса и развития, успеха проекта, получившего старт сотни лет тому назад. Даже стекло-плитка*, на которой разместились паства, отдаёт чем-то уникальным и возвышенным, тем, чего не удалось достигнуть ни Римскому Престолу, ни Лиге Севера.

– Информократцы! – «ревностно» обращается проповедник. – Наша миссия священна, значит и средства для её исполнения не могут быть плохи. Вы должны понять, что ничего не стоит самой идеи торжества правления информации. Ни жизни, ни души, ни имущество – нет того, чтобы могло сравниться по ценности с миром, который мы строим!

Слова говорящего полностью соответствуют реальности, ибо для достижения поставленных целей, правящие круги пойдут на всё, что необходимо. Лоботомия, упрощение сознания и даже расчеловечивание – лишь малая часть мер воздействия. И всем новичкам в этом мире пытаются донести сию суть.

– Запомните, больше вы не люди в древнем понимании этого слова! – яростно восклицает культист. – Вы часть величественной машины, которой дана задача – смести все остатки былой человечности из населения остального мира! Наступает новая заря и тьма, повисшая над миром, будет сокрушена силой восходящего солнца – нашей новой империи информации. Вас ждёт тяжёлая работа и смерть, но эти муки и ваша кровь есть семя для будущих поколений!

Двадцать человек на площади не просто обычные прохожие решившие послушать левого проповедника. Это партия новых «программно-закреплённых», пришедших с юга, которые должны выслушать курс информирующей проповеди от Программирующего словосозидателя*. А затем их пустят в дело и мало кто узнает о судьбе сих бедолаг.

– Програманне, – уже с эфемерной радостью взывает проповедник, осматривая группу людей, как это делает гиена, рассматривающая жертвы. – Добро пожаловать в Аурэлянскую Информократию!

Часть первая. Информократия: мир запрограммированных душ.

Глава первая. Мир постинформационный

Утренний цикл. Город Тиз-141.

За узким окошком уже начинает жидиться тусклый свет новой зари. Солнечный диск, обогревавший многострадальную Землю миллионы лет вновь, собирается занять место на небосводе и рвётся поливать мир массивами яркого тёплого света на грешную землю. Только сегодня это ему не удастся сделать, ибо небосвод затянут серым монолитом серых и беспроектных облаков, тянущихся длинной практически бесконечной чередой, закрывших всю страну.

На улице ветра не наблюдается, разве только возможно почувствовать лёгкое прикосновение освежающей ветряной длани, выраженной в крае слабых воздушных потоках, ходящих среди узких городских улочек. И лишь лёгкие порывы, практически эфемерные, касаются стёкол домов, пытаясь ворваться вовнутрь и развеять сонные ощущения просыпающихся людей потоком свежести.

Путь света пролегал в комнатку, довольно небольшую, которая становится с каждой минутой всё светлее, скидывая вуаль ночного мрака, и освещая её, выявляя из отступившей темноты всё больше новых деталей. В довольно небольшом помещении повисла абсолютная тишина, прерываемая лишь эфемерным, еле слышимым сопением, которая так и стучит пространство. Но внезапно звонкий гул будильника скидывает всю вуаль безмолвия жужжащим стрекотанием. Истошный звон за секунды заполняет всю малогабаритную комнатку, заставляя прекратиться сопение и подняться хозяина её.

На небольшой, по размерам похожей на гроб, кровати послышался скрип пружин и утренний стон человека, который только что проснулся. Рядом, на алом монохромном ковре всё ещё ревет будильник, сотрясая пространство истошным звуком. Но вот рука касается, похожего на эпохальную флэшку, устройства и звон пропадает.

Вновь висит тишина и сквозь сонный взгляд владелец комнаты рассматривает своё жилище. Через утреннюю усталость человек видит лишь размытые черты маленькой комнатки. В углу его кровать и диван одновременно, весь пол покрыт алым ворсовым ковром, напротив красуется железная дверь, а с боку, на стене установлена пластинка, выполняющая роль телевизора, рядом с ней раскинулась импровизированная кухня. И только единственное помещение вне комнаты – туалет, с ванной, ибо его устроили в отдельной комнатке, скрытой за деревянной простенькой дверью, прямым у входа.

Ничего примечательного, разве только убогий серый антураж в комнате, давящий на душу своей бесцветностью и унынием. Но именно так устроены комнаты в этом двадцати этажном доме, ибо есть информация, что краску и цветные материалы нужно использовать для создания величия зданий Систем Управления Обществом, что укрепит авторитет государства в глазах обычных програманн. А так же, из исследований, проводимых Универсионом-15 столицы, установлена информация, что серая унылая атмосфера дома заставляет людей работать дольше и не иметь стремления попасть домой, что увеличивает коэффициент полезного действия Систем Управления Общества.

«Манихейский бред», – выразился в размышлениях мужчина, каждый раз, с печалью рассматривая жилплощадь и желая увидеть там хоть какую-то цветастую отдушину.

И владелец комнаты теперь вынужден смотреть на серые стены, выполненные из холодного железобетона и обклеенные бесцветными обоями, на лишённые всякой раскраски стулья, шторы. Единственное окно в квартире прикрыто бледной шторой, отчего свет ещё тусклее. В доме есть одна цветная яркая вещь и это алый ковёр, выданный за отличную службу. И всё потому, что есть информация, говорящая о полезности серой атмосферы, от которой можно сойти с ума, для повышения работоспособности. Даже потолок и тот сделали полностью монотонным серым, чтобы не было желания тут оставаться долго.

«Как же меня тошнит от всего этого» – вереницей гнева проносится в мыслях у мужчины.

Внезапно из динамика, установленного у потолка, раздаётся звонкий грозный голос, вновь развеявший тишину:

– Аккумулярий следственно-полезной информации, Маритон УК-115, установлена информация, что вы всё ещё находитесь дома. Пожалуйста, поторопись, до начала исполнения служебных обязанностей осталось полчаса, – и спустя секунду доносится ещё одна реплика, прозвучавшая столь же хладно, но куда более устрашающе по смыслу. – Мы контролируем вас, во имя блага для всех.

Мужчина сквозь кряхтения поднимается с кровати. Под ногами он чувствует ворсинки ковра, мягкие и тёплые – единственное, что радует его. Кинув неодобрительный взгляд в сторону динамика, он устремился к туалету. Преодолев расстояние, в пять метров, он пропадает за деревянной дверью. Серая плитка повсюду, невыразительная ванная и унитаз с раковиной цвета хмурого неба тоже давят на душу унынием. И у самого потолка установлена камера, наблюдающая за тем, что здесь происходит. В комнате таких камеры три штуки, дабы каждый сантиметр просматривался Домовым Управлением Безопасности.

Кинув взгляд на камеру, он тут же поворачивается к зеркалу, что нашло своё место над раковиной в столь маленьком туалете, убирая от «Глаза» своё лицо, полное недовольства. Мужчине охота взять что-нибудь потяжелее и свернуть шею надзирающему «Оку государства», но если он это сделает, то тут же будет привлечён по десятку статей разных законов. Установленные камеры, для устранения даже намёка на преступность, стали палачами всякой личной жизни, так как была установлена информация, что человек, находящийся под непрерывным надзором будет покладистее и законопослушное.

Но оставив мысли о незаконном акте, Маритон, всматривается в собственное лицо. Помятое, невзрачное и грубое, испорченное долгой и непрерывной работой. Губы обезображены шрамом, идущим от середины правой щеки и до левого края широкого подбородка. Высокий лоб, который делает взгляд левого голубого глаза только суровее и холоднее. Правое око полыхает огнём алого цвета, возвещая о его электронном технологическом происхождении. На голове покоится копна чёрных волос, на которых возрастным роком ложится редкая проседина. В целом, помятое невзрачное лицо, отмеченное символом трудной и жестокой жизни.

Металлическая левая рука тонкими пальцами касается волоса и трепет его в надежде обратить в нечто походящее на приличную причёску. А тем временем правая рука из плоти и крови, открыв краник, плескает массой воды на сухое лицо, и мужчина ощущает, как по коже пробежал освежающий холодок, как ледяные капли касаются лица, отмеченного шрамами, и смывают с него тягость ко сну.

Как только простейшие процедуры были окончены, Маритон спешно покидает туалет, и спешит одеться, направляясь к шкафу у двери. Мужчина быстро находит служебную одежду – высокие сапоги на шнурках, кожаную чёрную майку и блестящие, отдающие лёгким глянецом, синтетические плащ с капюшоном и штаны.

– Аккумулярий следственно-полезной информации, Маритон УК-115, установлена информация, что вы всё ещё находитесь дома. Пожалуйста, поторопись, до начала исполнения

служебных обязанностей осталось двадцать минут. Мы контролируем вас, во имя блага для всех.

Посмотрев на динамик у потолка, мужчина лишь недовольно фыркает, бросает взгляд на часы и спешит покинуть квартиру. Электронный ключ, представленный серебряной пластинкой размером с пол ладони со встроенным ДНК владельца комнаты, блеснул в руках Маритона и открыл дверь из железа, что обозначил истошный писк.

Вне квартиры так же всё представлено серостью и монохромностью – бесцветные острые ступени, гладкие стены, лишённые всякой расцветки: всё полыхает однотонностью и безумной жадной сэкономить краску для установления величия иных построек.

Отринув взгляд от безумной фантазмагии Инфо-философии, Маритон закрывает дверь и спешит прочь из высокого здания. Первый этаж даёт свои преимущества – не нужно долго спускаться или кататься на лифте. Аккумулярий устремляется к выходу из дома, но внезапно раздаётся звонкий и угрожающий голос, лишённый всякой человеческой эмоциональной окраски:

– Стойте, програманнин, вы не отметили свой выход за пределы жилого строения в Системе Контроля над Выходом и Входом жителей. Приложите ладонь к Контролирующей Панели.

Мужчина, застряв в сером футуристическом, похожем на стерильную монохромную комнату, помещении, прикладывает к металлической двери, на то место, где появилось сияющее жёлтым сиянием панель, касаясь жёлтого круга, который пятнает серую поверхность.

– Благодарим за предоставление информации о своём передвижении, програманнин. Мы контролируем вас во имя блага для всех.

Маритон, исказив лицо в неприятии процедуры, прикладывая силу, открывает тяжёлую дверь и выходит прочь отсюда.

Тут же в его лицо ударяют лёгкие ветряные потоки, лаская грубую кожу и трепеща иллюзорной рукой, капну растрёпанных волос. Маритон готов ещё долго наслаждаться таким приветствием природы, хоть оно и пронеслось посреди безжизненно-светло-серой площадки небольшого дворика. Ещё мог бы, но сотрясение корпуса телефона об ногу и его бречание возвращают мужчину к действительности.

Из кармана зацепившись пальцами за пластинку, вынимается блестящее серебряными оттенками устройство и прикладывается к уху:

– Я слушаю вас, – звучит тяжёлый грубый голос.

– Маритон УК-115, ты где? – раздаётся из динамика приятное, несколько мелодичное, звучание женского голоса. – Пятнадцать минут осталось до Информационного Совещания. Ты же знаешь, тебе нельзя опаздывать... не сегодня.

На губах, обезображенных шрамом, пробегает еле заметная улыбка, её намёк тронул место, отмеченное прошлым, после которой зазвучал боле непринуждённый голос:

– Анна УК-205, не беспокойтесь, я всегда прихожу тогда, когда действительно это необходимо.

– Поспешите, пожалуйста. Сегодня выговором не обойдёшься. Мы ждём.

Связь прекратилась. Девушка сбросила трубку, так как больше разговаривать не представляется возможным, ибо это считается неприемлемым. Телефон в ладони мужчины так и остался, зависнув на уровне груди, а лёгкая печаль от того, что он чуть дольше не послушал прекрасного голоса, когтистой рукой скребётся у сердца. Маритон знает, что есть информация, говорящая о том, что длинные разговоры по телефону испускают электромагнитные волны, негативно влияющие на организм, что даёт другую информацию – нельзя важным служащим долго говорить по телефону, иначе человек отправляется на принудительный медосмотр. И весь этот каскад норм, закреплён в Инфо-Регуляторе №120, контролирующим поведение и жизнь определённого класса людей, отнесённых к категории «С-3».

Маритон, опуская телефон в карман плаща и отпуская мысли о нормах, выходит на широкую улицу, вымощенную стекло-плитой зелёного цвета, отчего город, на виде сверху, похож на огромную микросхему компьютера. По краям улицы на грав-линиях движется высокотехнологичный гравитационный транспорт. Все улицы, всех городов Информократии представлены длинными прямыми и пустынными устремлениями между грав-линий и высоченных домов, выполненных в одном футуристическом стиле. Разве только стилизованные под древний стиль «хай-тек» фонари могут украсить улицу, став незначительной эстетической отдушиной.

Маритон осматривается по сторонам и снова видит, что он зажат между двадцатипятиэтажными домами, отделанными стекло-плиткой, под которой лежит подсветка, дарующая яркий синий цвет зданию, символизирующий могущество электро-информационных потоков. А по уникальным для всего мира улицам ходят программанне, похожие друг на друга одеждой, словно вышли из-под копировального аппарата. Только лица, нюансы одежды, и телосложение различаются, всё остальное убивает своей безумной идентичностью.

«Словно на дорожках микросхемы в башке компьютера» – проносится в голове у мужчины критика увиденного, и он бежит к грав-линии. Вот удача, и перед носом Маритона проносится серая машина, оторванная от земли, обрисованная чёрными шашечками на весь корпус.

– Стой! – кричит Маритон, махая руками. – Остановись!

Автомобиль останавливается и через две секунды юркая ладонь Маритона просовывается под небольшое углубление в дверце, где на старых экземплярах ставились ручки, и датчики считали все возможные показатели.

– Куда вас везти, уважаемый? – спереди доносится вопрос.

– Главный городской отдел Полиции по Выслеживанию Вирусных Членов Общества.

– Ох, – тяжело выдыхает водитель и через мгновение на его дисплее, прямо возле руля высвечивается статус и тип программанства, вкупе с должностью. – Хорошо. Будем там, через пять минут.

Забравшись в серый салон автомобиля, мужчина закрывает дверь, и машина срывается с места, унося вдаль по грав-линии пассажира.

Устремляя взгляд в окно, Маритон наблюдает всю ту же картину – везде и всюду расхаживают люди в однотипных одеждах, без какого-либо разнообразия, как будто всех их выпустили из единого инкубатора, одинаково одели и дали одну задачу. Разница в одежде может быть только между типами программанств. Так, большая часть жителей Информократии, тридцать процентов, обладает уровнем «А-8», что характеризует их как самый низкий слой в Программанско-Процессуальной Системе. Они должны одеваться в чёрные штаны, такого же цвета рабочие куртки и ноги стягивать тяжёлыми берцами. Им закрыты дороги в библиотеки, дорогие рестораны, соборы Церкви Макшины, выставки, театры и прочие роскошные заведения. В общем в «А-8» работают обычные рабочие люди, вышедшие из Технолого-Производственных Училищ и трудящиеся на работах, требующих затраты физической энергии.

– Хах. – Проносится по салону лёгкий смешок, явившийся иронией над сложившейся системой.

– Вы что-то хотели сказать? – Звучит осторожный вопрос от водителя.

– Нет. – Говорит мужчина и предаётся воспоминаниям.

После школы, когда с помощью Устанавливающих Информацию об Умственных Предрасположенностях Экзаменов было установлено, куда направить юношу обучаться дальше, Маритон получил паспорт программаннина. «Программанство – есть то же самое гражданство, но если второе устанавливает только связь человека и государства, то первое закрепляет его место в обществе, наделяя теми или иными возможностями, словно человек есть программа в системе» – голос Уполномоченного по Внесению в Реестр Программанн до сих пор отдаётся гулким эхом в ушах сорокалетнего мужчины.

Маритон знает, что чем выше тип програманства, тем больше и возможности, и шире спектр прав. В тип «А-1» попадают те, кто больше всего знают, лучше анализируют и запоминают. В элиту общества попадают те, кто лучше всех способен мозгом обрабатывать информацию и накапливать большое количество знаний. Ну, а програманство «0-1» вообще не досягаемо, ибо его занимают одни лишь Апостолы – единоличные правители страны.

– Мы приехали, – мягкий голос водителя вырывает из размышлений Маритона, возвращая к действительности.

– Благодарю вас.

Мужчина открывает дверь и спешит выйти из такси. В глазах Маритона проскальзывает тень лёгкой печали от уроков воспоминаний уроков истории, где им говорили, что таксистам раньше за развозку платили деньги. Теперь, когда все сферы общества контролирует Информократичное государство, по сути, слившись с обществом, и определив таксистов и развозчиков в «А-8», они теперь работают за еду и обеспечение коммунальными благами. Ничего лишнего, ибо как гласит Информационно-устанавливающая Проповедь №12 «Физическо-рабочим людям, не обременённым разумением и способностями использования информации без надобности интеллектуальные блага, ибо понять их, как понимают их информационно-одарённые, они не способны».

Такси спешно уходит, оставляя Маритона одного. Перед ним стелется огромная площадка из зелёной стекло-плитки, на которой громоздится высокое огромное здание, бесконечно устремляющееся вверх, как бы стараясь достать небесную твердь. Семьдесят этажей монументальности из камня, бетона и стекла в высь и десять под землю и по сорок окон на этаж. И где-то после тридцатого этажа строение начинает сужаться, превращаясь в шпиль, накрытый сверху серым полушарием. Вся постройка светится ядовитой синей пульсирующей подсветкой, вновь утверждая силу электричества, а значит и прогресса.

Ступени исполнены из гранита, что является исключением для стилей зданий и их отделки на улице. Поднимаясь по ним, каждый шаг Маритона чеканит звонкий стук сапожного каблука, от которого содрогаются два рабочих, начищающих здесь до блеска ступени. «А-8», побритые под ноль, женщина и мужчина старательно моют гранитную поверхность, поглядывая на неживой алый глаз мужчины. Служивый глядит на них с явной горестью, так знает, что им всю жизнь придётся быть на положении рабов, которые загнаны под пяту молотом идей меритократии[3].

– Предъявите ваши информационно устанавливающие документы. – Послышался голос, как только мужчина приблизился к серой двери.

В руках неожиданно сверкает серебристая пластинка и тут же длинные металлические пальцы экзо-руки прикладывают её к специальному устройству на самой двери. Пара секунд и проход открыт.

– Мы следим за вами, ради блага для всех, – звучит безжизненный голос.

– Да-да, – недовольно, шёпотом молвит Маритон, минуя охранный пост, расположенный в небольшой комнатухе, похожей на тамбур старого поезда, только слишком чистый и неприлично серый, как и вся действительность этого края.

Сейчас со всех сторон его осматривают камеры и анализируют деятельность, вплоть до сердцебиения. И если они заподозрят нечто подозрительное, то тут же Охранная Система вынесет предупреждение, а если ответа не последует, то скрытые турели изрешетят нарушителя.

Как только Проверочная Комната остаётся позади, мужчина проходит за вторую дверь и попадает в длинный коридор, без конца и края. Никого нет, он пустынен, словно помещение заброшено. Но это так может показаться лишь на первый взгляд, ибо все сейчас на совещаниях, проводимых в своих кабинетах. Его Информационно-Собирательная Группа всегда располагается в рабочем помещении под номером пятнадцать, а идти до него не далеко, так как все кабинеты идут строго друг за другом. И ступая по мягкому чёрному ковру, положен-

ному на мраморные плиты, Аккамулярий быстротечно добирается до двери и берётся за пластинку, прикладывая её там, где раньше были ручки. Одобрительный звук и мужчина проходит вовнутрь.

Рабочий кабинет не широк, но и не мал. Под ногами чувствуется холодное грубое покрытие яркого синего линолеума, сверкающего хаотично разбросанными фиолетовыми прожилками. Посреди двух окон расположился широкий стол начальника Группы, окружённый десятью, одетыми в такую же одежду, что и вошедший парень, людьми, а у серых стенок рабочие места – стол и компьютер на нём.

– Вот и наш Маритон УК-115, – зазвучал констатирующей тональности голос, доносящийся из-за стены подчинённых. – Ещё немного и ты бы опоздал, и пришлось бы наказывать.

– Хм-м-м, – затанул Маритон, – но не опоздал же. Я здесь, совещание ещё не начато.

– Проходи и займи своё место, – недовольно буркнул начальник. – Ждать остаётся пять минут.

Маритон становится по праву сторону возле сослуживцев, образуя полукруг возле стола руководителя. Отсюда он видит всех, но вот знает и постоянно общается лишь с четверыми, остальные новенькие и их лица он даже не запоминает. Худощавый Изор УК-209, со светлыми волосами и вольными чертами лица, похожий боле на подростка. Аркус УК-101, массивный, с атлетическим телосложением, с длинным чёрным волосом, походящий на сурового германца из древнего Тевтембургского леса. Их начальник – Виотин УК-99, с насыщенными чертами лица, побритый на лысо и волосы пробиваются редким покровом где-то у висков, с округлым зрелым лицом, осматривающий свою Группу холодным взглядом живых тёмно-синих очей. Справедливый, но суровый, он выполняет порученную работу с ярким рвением и пунктуальностью, направляя работу подчинённых наиболее эффективным способом. Никто не смеет противоречить его Информационно-Устанавливающему Приказу.

Но больше всего Маритон рад наблюдать за Анной УК-205. Длинный смольный волос девушки снисходит аккуратно на плечи, покоясь на блестящих искусственных тканях. Настоященный взор Маритона касается худого лица, щёк, с лёгкими ямочками, делающими лицо более привлекательным на взгляд, и опускается до аккуратных бледных тонких губ и секундой позже устремляется напрямиком в очи прекрасного оливкового цвета. Двух секунд хватает, чтобы потревожить измученное временем сердце бывалого Аккамулярия и заставить пробежать по телу волну душе трепещущего содрогания. Парень втягивает в лёгкие воздух и ощущает стойкий цветочный аромат пышущей розы, чудесно сладковатые и воздушно лёгкие – таков запах духов Анны, который развеял за пару минут стояния в кабинете все омерзительно-приторные благовония, раздаваемые церковью Макишины.

Руководитель группы мельком усмотрел неоднозначный взгляд мужчины и демонстративно кашляет, приковывая внимание к себе. Старый театральный приём, но начальнику нравится его повторять.

Звонок, переходящий в писк внезапно возвестил о том, что уже девять часов, а значит можно начать утреннее Информационное Совещание. Руководитель встаёт с высокого кресла, показывая, что он одет, как програманне группы «С-2», а именно – на ногах, в районе талии на животе с помощью ремешка держаться брюки, покрывающие чёрные, начищенные до зеркального блеска туфли, а на торсе покоится чёрная рубашка, виднеющаяся на груди, сжимаемая старенькой курткой, сшитой из светло-синих ниток.

– Так, сослуживцы, – сухо заговорил начальник, – сегодня нам поручено проверить городской промышленный сектор «ЖК-02» на наличие вирусных элементов общества. – Внезапно руководитель замолкает, опуская взгляд в стол, начиная по нему рыскать.

– Уважаемый Руководящий Аккамулярий, – обращается субтильная блондинка, – можно спросить.

– Да, Ирис УК-1065.

– А какие информационные основания у нас для информационно-получающей проверки?

– Об этом я и хочу сказать, но вот, – рука начальника шерстит всю поверхность стола в поисках чего-то. – Ах, нашёл. – В кисте руководителя показалось устройство, похожее на стальной кубик, зажатый в плотных пальцах. – Тут содержатся Реестр тех, кто не появлялся на проповедях местного инфо-культа больше недели. А так же список тех, кто высказывает не санкционированные реплики, содержащую информацию, угрожающую Информократии.

– А что там именно, Уважаемый Руководящий Аккамулярий?

– Что там ам, Сатор УК-2009? – губы начальника краями подтянулись, показывая потаённую улыбку. – Вся информация, которую мы так любим. Цитаты из разговоров, вырезки из переписок и записи телефонного общения, а так же есть пара фотографий несанкционированного совокупления особей мужского и женского пола.

– Исчерпывающая информация, – констатирует Маритон, складывая руки на груди. – С кем нам придётся иметь дело, Уважаемый Руководящий Аккамулярий?

– Програманне группы «А-8» и несколько «А-7». Если информация не врёт, то в совокупности вас и кары вашей будет ожидать двадцать человек.

– Действуем по Просветительской Инфо-Директиве №15 «Перезагрузка», Уважаемый Руководящий Аккамулярий?

– Нет, Уно УК-1290, – голос начальника неожиданно становится чуть мрачнее и тяжелее. – Нам дано специально информационно-устанавливающее предписание задержать каждого виновного, и передать его в руки Управления Связей и Передачи Информации между Системами Управления Общества. Они его направят в наш городской Универсион, а там его отдадут в Прото-Апостолитет по Делах Рабской Силы.

– То есть...

– Ох, как с вами новичками сложно, – раздражённо кидает слова начальник. – Да, Ирис УК-1065, их лоботомируют и сделают рабов. Потом отправят на какое-нибудь производство, чтобы они там загнулись от непосильной работы. Таково наше общество – «все обладатели мятежной информации, и несущие её в массы, оскверняющие информационное содержание мысли других програманн, должны быть преданы каре, так как нарушают стабильные информационные потоки», как говорит информационно-устанавливающая проповедь воинствующего инфо-культа города Тиз-141, – на секунду начальник прекратил говорить, лишь для того, чтобы выудить из памяти ещё один фрагмент. – Да, и постарайтесь установить местоположение некого Флорентина Антинори.

– Постараемся, – даёт чёткий ответ Ирис УК-1065. – А это кто?

– Не знаю. Приказ спустился сверху. Говорят очень важная фигура...

На секунду Маритон впадает в ступор, не расслышав про новую цель, рождённый бессилием. Будучи ещё мальчишкой, он застал времена, когда Информократия только становилась. Да, в бытность свою ребёнком он помнит ту пору, когда за несанкционированные слова не следовало лоботомии или «гипнотической перезагрузки», когда удаляли память и заставляли забывать мятежные воззрения. Да и не было даже такого понятия, как «несанкционированная информация», но вокруг торжествовала такая нищета и безумная разруха, что не было до этого дела. До момента, когда пришли на крыльях народного выбора, Апостолы, принёсшие новейшие общественные порядки. И после торжества новой «стабильной» власти, была установлена информация, что воззрения, противоречащие вере в Макшину и официальной Инфо-философии, нужно уничтожить любой ценой, так как их распространение приведёт к падению стабильности и власти информационно-обеспеченных. А умные и информационно-одарённые люди не хотят терять общество, ставшее воплощением абсолютной меритократии, а остальные ничего не могут сказать, ибо зажаты стальным сапогом програманнства.

Но сейчас поздно митинговать, вспоминая о старых временах, и что стало с обществом, то не изменить. Из полицейского Второй Ступени он дослужился до Аккумулярия в Полиции по Выслеживанию Вирусных Членов Общества. В новом мире, мужчина занял довольно почётное место и какая бы ненависть и отторжение вертикали общества не грызла его душу, пойти против неё – безумие. Это Маритон осознаёт с такой же чёткостью, как и понимает, что земля крутится вокруг солнца, а дождь идёт с небес. Непререкаемая аксиома. А это только рождает бессильную злобу...

– Всё. Совецание окончено, – лёгкой радостью разнеслись слова по серому кабинету и когда все поспешили разойтись, приступая к работе, начальник окрикивает. – А вас Анна УК-205 и Маритон УК-115, прошу остаться.

Не сдвигаясь с места, мужчина остаётся, а вот девушка, которая едва не добежала до двери, скоротечно разворачивается и снова занимает установленную позицию. Все приготовились слушать начальника, который ожидает, когда нога последнего выходящего покинет пределы кабинета.

– Так, у меня для вас будет особенное задание, и сегодня вы поработаете в паре. – Как бы ободряюще для Маритона слова не звучали, в живых глазах своего начальника он видит лишь печаль и чувство груза.

– Откуда такая щедрость, Уважаемый Руководящий Аккумулярий?

– Не щедрость, а установленная информация, что в паре вы работаете производительнее, – напористо заявляет начальник. – Вам нужно будет отправиться в самый захолустный городской промышленный район № 0-5. Там вчера пропал один из Инфо-кардиналов, обладатель програманства «В-1».

– Святые коды, – дрожащим пением, полным страха и ужаса, отразившимся в прекрасных глазах, молвит Анна. – Как такое возможно?

– Это ещё не всё, – рука начальника тянется к серебряно-блестящему предмету. – Пропала и его охрана, состоящая из «Киберариев». Этим делом уже собираются заняться другие Системы, которые я назвать не имею права. Но не об этом. Вам будет выделена охрана и вся сопутствующая информация, собранная на этом этапе. – И после слов пластинка, похожая на флэш-карту пропадает в ладони девушки.

– Я вас отправляю на это дело, так как вы назначены передовой информационно-аккумуляционной группой, наиболее способной из всех. Анна УК-205, отправляйтесь за получением служебного транспорта.

– Будет исполнено.

Прекрасная дама, кинув броский взгляд на Маритона, покидает пределы кабинета, оставляя двух мужчин наедине. Нелёгкая и гнетущая обстановка за секунду сменилась на ещё более удручающую для парня:

– Что это было, Маритон УК-115? – звучит грозный вопрос от начальника, который вновь занимает насиженное место.

– Вы о чём? – захватывая рукой руку у запястья за спиной, спрашивает Маритон.

– Я о сегодняшнем взгляде. Ты же понимаешь, о чём я говорю. Скажи правду, сейчас, на камеры и диктофоны нашего отдела Контроля над Поведением, ты имеешь к Анне УК-205 какие-либо чувства любовного характера?

– Нет, – ошарашенно отвечает Маритон. – Как вы могли такое подумать! – Кричит мужчина, стараясь обмануть «датчики звукового анализа» наигранным возмущением.

– Да ну!?! – давление усилилось.

– Знаете, я думаю, правильно, что наше общество лишено всякого бреда вроде любви и семейных отношений.

– Да, Уважаемый Аккумулярий, ты прав. Если ты забыл, то я тебе напомню, – сурово отчеканивает словом начальник. – Была установлена информация, что семейные отношения

отвлекают людей от работы и добычи сведений всякого рода. А без семей люди повышают свою выработку и производительность, что положительно сказывается на работе Систем Управления обществом. Поэтому Апостолис Директорис приняли решения запретить семьи, как элементы, противоречащие прогрессу и торжеству Информократического общества, – речь начальника так и разит официозом, от которого у Аккумулярия аллергия, но он видит, что его начальник это читает как формальность, ненужную и надоевшую.

– Так и есть, – печально врёт Маритон. – Так и должно быть.

– Да, ты прав, – грузно на выдохе молвит Виотин, – государственных борделей хватает, чтобы удовлетворить сексуальные потребности. Хорошо, что ты чуть-чуть знаешь историю.

– Ещё что-то?

– Да, тут поступали информационно-устанавливающие письма, в которых говорилось о твоём несоблюдении инфо-духовности, установленной Церковью Макшины и нашим инфо-культом. Ты не появляешься на проповедях, не даёшь просветительскую милостыню информационно-обделённым. Поэтому на правах программаннского информационного просветителя я должен зачитать тебе «Катрен-467» Инфо-философа Перейякова, стоявшего у истоков древнего культа Макшины.

– Хорошо, – разносится недовольный шёпот.

Руководитель запускает руку в карман широких штанин и вынимает маленькую потёртую толстую книжку, обтянутую алым кожзаменителем.

– Информация есть главная ценность общества и всех его видов, существовавших в различных временных периодах, – слова начальника обременены тяжестью, еле ощутимым отвращением, и они лишены всякой ревности к вере и в них нет религиозного фанатизма. – Нет человека без информации, поэтому ему надобно чтить её, как составную тела своего. Лелеять и собирать её, хранить и защищать – вот, что должен делать род людской, чтобы спасти грешные души. И те, кто отвергают знания, высказывают нечестивое слово, отвергающее стремление обладать большим количеством информации, должны быть лишены как можно большего количества благ, ибо недостойных их. Но не будем забывать и тех, кого Макшина не благословил способностью знать – и мы должны давать информационную милостыню, то есть по возможности просвещать и делиться своим знанием с ними, дабы наполнять их информационные вместилища».

Книжка захлопывается и руководитель отдаёт краткий кивок, давая знать, что подчинённый свободен. Маритон спешно направился прочь на стоянку, с тяжёлым чувством на душе. Столько проповедей, столько благочестивых слов и от них только тяжелее, ибо в них нет ничего для души, кроме тяжёлого железа, для рабских цепей, которые сковывают дух, делая его покорным. Все идеи о власти умнейших и способнейших, интеллектуальный элитаризм и убеждение, что право на управление это привилегия, само програманство – всё это порождение мира, где информация стала не просто важным элементом, а источником власти для тех, кто контролирует её потоки.

Идя по коридорам нелюбимой работы, Маритон каждый день сталкивается с великой несправедливостью, ставшим следствием надуманного неравенства. Это всё, что может предложить постинформационный мир – репрессии и боль, угнетение и железную иерархию под видом «стабильности», которая превратилась в мантру для прикрытия страшных преступлений. И, кажется, не будет конца информократичному аду и только самый настоящий «День Гнева» с ним может покончить, испепеляя и весь остальной мир.

Глава вторая. За гранью избранности.

Спустя два часа. Первая стадия дневного цикла. Городской промышленный район № 0-5. Город Тиз-141.

Небеса над головой остаются такими же тяжёлыми, свинцовыми, обременяющими душу и глаз только одним видом, поселяя в сердце уныние и печаль. И такой вид стоит практически каждый день и не нужно думать, что это банальное явление природы. Одним из Управлений Научными Исследованиями, расположенным в столице, была установлена информация, что если сохраняется плохая погода, то люди будут больше отдаваться работе, не стремиться домой или на отдых, а работать до упаду, ибо больше нет прикрас внешнего природного мира. И это было принято как сигнал к действию. Так постановил Апостолис Директорис, значит так и будет создаваться путём применения технологий, создающих искусственные облака.

За пределами любого дома медленно начинает собирать силы ветер. Если утром это был лёгкий ветерок, равный бризу у моря, то теперь это довольно напористые воздушные потоки, вздымающие в воздух мелкий мусор и пыль, закручивая её в кратковременном вихре и вновь опускающая на землю.

Но природные условия не имеют силы и значимости перед Информократией и её технологиями, ибо вышедшая из-под наковальни прогресса, она поставила перед собой цель противодействия всему природному. И создавая устройства, механизмы, которым природные явления не принесут ущерба, новое государство, раскинувшееся на северо-западе бывшей Италии рвётся доказать своё превосходство над силами естества.

Одной из таких технологий является служебный автомобиль Аркан-01. Он способен преодолевать любые типы местности, противостоять холоду, жару, спокойно себя чувствует как в пустыне, так и в тропическом климате и отлично переносит ледяные тундры с арктическими пустошами. Конечно, не такой манёвренный и быстроходный, как стандартный автомобиль, но надёжный и крепкий, как военная техника.

Маритон вцепился двумя руками в руль Аркана-01, ибо его рулевой механизм довольно жёсткий и требует прикладывать силы, чтобы совершить манёвр или поворот. Снаружи автомобиль похож на большущий вездеход, каким он и является. Широкие колёса с высотой в полтора метра, обеспечивающие проходимость, огромный чёрный корпус, длиной в семь метров, с местом для капота в два метра под которым покоится и работает самая современная электроника, обеспечивающая движение этому монстру, ну и бронированные тонированные стёкла вдобавок.

Вокруг виднеется только удручающая картина, стелящаяся уже пару километров, как автомобиль покинул пределы «Круга Интеллекта». За окном огромные полуразрушенные заводы, работающие на благо Информократии, где каждый день от усталости, голода, жажды или адских условий труда гибнут десятки рабов или парочка работников из группы «А-8», к которым относятся, как к расходным материалам, так как они всего лишь средство производства для программанн более высокого класса. Высотные серые кирпичные дома соседствуют с лачугами с трущобами, медленно утопая в кучах мусора. Толпы бедных и больных, живущих за еду, принявших алкоголь и наркотики, как единственную валюту тут что-то вроде среднего класса. Самые убогие и обделённые живут в рабских бараках, где подхватить болезнь – плёвое дело.

Рядом с Маритоном, который усталился на дорогу, восседает Анна. Прекрасная девушка направила взор миндалевых глаз в сторону тотальной разрухи. Там, за пределами автомобиля и «Круга Интеллекта» совершенно другой мир, собранный из тех, кого «высокоинтеллектуальные» люди посчитали мусором, недостойным их общества. И теперь те, кто не вышел умом

живут в руинах и развалинах бывшего мира, и только здания Управления здесь сияют роскошью и технологичностью.

– Грустно, – роняет слово Анна, сказав тон в печали. – Совсем не радостный пейзаж.

– Что? – не убирая взгляда с дороги, спрашивает мужчина.

– Знаешь, сколько мы были в подобных районах и везде одно и то же – нищета, болезни, голод и смерть, – в речи девушки её напарник точно уловил лёгкую душевную хандру.

– Анна, – при обращении, произнесении букв имени девушки воздушная улыбка покрыла губы. – Ты должна знать, кто они и какое им место определили «ревнители ума». Для нашего мира они никто и ничто, ибо не обладают информацией, а способны к «выполнению грубой животной работы, а посему должны быть выдворены за пределы основного места обитания умнейших и достойнейших людей, где есть все блага, коему нарекание – Круг Интеллекта».

– Когда ты успел записаться в миссионеры Макшины?

Рука мужчины, аккуратно сойдя с отделанного резиной руля, касается бардачка и достаёт оттуда маленькую книжку, обтянутую синей потёртой кожей.

– Вот, – трясая в руках книжонку усмехаясь, молвит парень. – Вот, мне её выдали вчера. Глава нашего инфо-культа сказал, что я мало времени уделяю изучению философии о прогрессе и власти интеллектуальных элит. И втиснул её мне.

Почесав широкий подбородок краюхой книжки мужчина, зашвыривает её обратно и захлопывает бардачок.

– Ты её будешь изучать?

– Это останется между нами? – с ехидной улыбкой на лице спрашивает мужчина и, увидев такую же непринуждённую улыбку, тронувшую губы Анны, Маритон договаривает. – Конечно же, нет! Будет чем стол подпереть на работе.

Маритон тут может спокойно говорить на любые темы, ибо датчик прослушивания как-то он пихнул настолько глубоко, что ничего кроме звука работающего двигателя на записях не слышно. Случилось это после того, как полгода тому назад от досады, вызванной неудачей при поимке несанкционированного философа, Маритон ударил ладонью об корпус, возле руля. Секретный датчик отвалился и оказался далеко от кабины, что позже заметил Маритон, но решил не доставать его оттуда, оставив наслаждаться диспетчеров Контроля за Аккумуляторами мелодичным брэнчанием мотора.

– Знаешь, а то, что мы делаем, действительно полезно, – заявляет девушка, с жадной продолжит разговор. – Ведь, если бы не Апостолы, то этот край до сих пор продолжал бы болтаться во мраке и нищете.

– Анна, милая, посмотри за окно и скажи, кого здесь Апостолы сделали счастливыми? – смотря на широкую дорогу, из разрушенного асфальта, продолжает говорить Маритон. – Я что-то тут не вижу толпы счастливых и довольных людей.

– Милая... – довольно повторяет дама. – От количества незаконных слов, сказанных мне тебя можно отстранить от службы. Ты не боишься их говорить, ведь это...

– Да-да, я знаю, «любые комплименты, сказанные другому субъекту общества, потенциально образуют возможность создания семьи, поэтому комплементарные слова не желательны к употреблению, кроме служебной похвалы», – кичливо процитировал слова проповедников Маритон, – как говорит наш Участковый Просветитель, ссылающийся на одну из проповедей. Но я не могу не говорить их такой девушке как ты и плевал я на любую из проповедей инфо-культа.

Древнее ощущение накрыло Анну. Она чувствовала некое странное чувство, трепещущую лёгкими веянием душу, которое явно под запретом, и его проявление будет осуждено Надзирающими Корректорами – людьми, которые отслеживают любое несоответствие действующему учению, с холодной методичностью его устраняя. Девушка рада, что ей говорят такие прекрасные слова и чувствует, как изнутри её подтачивает некое тепло, которое готово

застлать душу ощущением радости и ликования и широкая глупая улыбка, растянувшая губы подтверждает это.

Однако у каждого члена общества есть программа, то есть инфо-философское учение, из которого следуют такие простые, но невероятно тяжёлые слова – «Никакой любви, ибо самими Апостолис Директорис установлена информация, что любовь способна понижать рабочую производительность, и отвлекает человека от работы в сторону семьи. Находясь в состоянии любви програманнин, не добывает информацию, то есть не просвещается и не стремится к обладанию сведениями разного рода. Следовательно, в обществе, где всем властвует информация, любви быть не может».

– Приехали! – громкое объявление вырывает Анну из её размышлений, и она спешит выйти из автомобиля.

Автомобиль встал посреди дороги, там, где в последний раз видели обладателя программанства группы «В-1», а именно самого Инфо-кардинала. Вокруг картина маслом, достойная художника постапокалиптического толка, ибо она нуждается в том, чтобы её увековечили. Дорога под ногами – древний стёртый в пыль, покрытый трещинами асфальт, через который рвётся песок, и прорастают целые кусты. Куда не брось взгляд – исполинские, по десять этажей в высоту, пять сотен метров в длину серые заводы, накрытые железными ржавыми крышами. Их вид поражает – невероятно огромные, но лишённые живости, похожие на серые и чудные склепы, они непрестанно, каждый день, занимаются производством индустриальных вещей, начиная от ручек и мебели и заканчивая бронёй для танков. Сюда приезжают из-за «Круга Цивилизации» в основном за одним – собрать произведённые вещи и привести еду и чистую воду, а так же немного одежды. Среди монументальных заводов, стоящих практически на голой земле, ибо плиты и асфальт «растасились» на трущобные нужды, растянуты палатки и безумно устроенные нищие кварталы с бараками, в которых селят рабочих, в своё время не удачно сдавших тесты в школе. Вид этого района поражает и устрашает своим неприветливым видом, а так же статистикой. Преступностью и враждебностью он просто ввергает в шок – в день гибнет как минимум три десятка человек, ибо интеллектуальной элите плевать на смерти тех, кто глупее их, лишь бы промышленность шла, а рабов и новых рабочих дадут Системы Общественной Репродукции, где выводятся и производятся новые люди.

Маритон, не разглядывает этот район, ибо не видит в нём чего-то уникального. Неисчислимое множество раз его сюда заносила служба, поэтому исполинские виды заводов и быть «А-8», его уже не поражает. Подойдя к багажнику и раскрыв его двухстворчатые двери, мужчина простучал по сенсорным кнопкам, которые распложены на самом краю панели у борта.

– Что ты делаешь? – осматриваясь по сторонам, вопрошает Анна. – Нам нужно оглядеться опросить свидетелей. Пойдём уже.

– Организую нам эскорт. Если в других районах он не требуется, то тут без него я бы носа дальше машины не совал. Да и в сами трущобы с жестянками соваться я бы не рискнул... народ тут больно консервативен, – грузно заключил Маритон.

– Мы же полицейские, мы представители власти Информократии, и нас здесь не имеют права тронуть, – во всеуслышание заявляет девушка.

Маритон искренне умиляется такой вере в собственную избранность. Он давно с ней работает и знает, что она хороший специалист, только редко выезжающий за пределы «Круга Интеллекта». А за ним царят несколько иные правила, которые кажутся безумными для стандартного програманнина группы «А-5» и тяжкими для «А-6», что прячутся за вожделенным «Кругом» или обитают в более благоприятных районах.

– Маритон, я пока пойду, осмотрю место пропажи.

– Стой, куда без охраны!

Из салона автомобиля подались три машины. У каждого голова представлена металлическим плоским элементом из металла, с широкой вертикальной синей полосой и системами

анализа вместо глаз. Тонкие голени переходят в более утолщённые части ног, там, где у человека расположилась четырёхглавая мышца. Корпус и руки по форме и конфигурации напоминают человеческие. Всё тело механизмов облачено в бронежилеты и боевую форму, кроме тонких голеней, место соединения шеи и торса укутано серым платком, а на руках перчатки.

Сжимая в ладонях автоматы, они готовы к исполнению любого приказа, который им поручит оператор. Их конструкция довольно чудна, не такая, какую используют боевые роботы Римского Престола. Те большие, массивные и неуклюжие, но обладают сокрушительной огневой мощью. Но вот «Ди-Ди» намного ловчее и мобильнее, и сделаны с одной целью – скопировать и превзойти поведение военного человека в условиях боевых действий.

– Д-1-1, – нацепив устройство связи на руку, обращается к боевым роботам Маритон, – остаёшься у автомобиля и охраняешь его. Остальные – за мной.

Стальной перезвон металлических ног, шаркающих об разрушенный асфальт, наполнил шаблонный набор здешних производственных звуков.

В вечернее позднее время такое явление однозначно бы собрало десятка четыре рабочих в одинаковых чёрных одеждах, но сейчас стандартный рабочий день, поэтому улицы пустынные, а из беззаботно гуляющих можно встретить лишь калек и местных представителей инфо-культов.

– Почему здесь так... пустынно?

К девушке подошёл в сопровождении двух роботов мужчина. Кинув взгляд на её худощавое, тем и прекрасное лицо, на дёргаемые настырным ветром чуть волнистые волосы, мужчина отвечает:

– Все сейчас на заводах. Работают.

– Интересно, чем им заплатят. Не могут же они работать за еду и воду... и трудодни.

– Как раз этим им и платят, – усмехнулся Маритон. – Считается, что деньги это элемент экономического фашизма, что деньги препятствуют власти «достойных», передавая возможность правления в руки... м-м-м, как их там... капиталистов.

– Нет, тебе точно нужно в миссионеры, – лёгкой непринуждённой шуткой щегольнула Анна, стараясь отодвинуть внезапно поднятую тему зарплат.

– Давай лучше приступим к работе.

Два человека, одинаково одетых – плащи, сапоги, брюки да майка, медленно стянулись к месту, где предположительно похищен был Кардинал. Из материалов дела, полученных из «Мгновенного Информационно Расследования», установлено, что програманнин группы «В-1» возвращался в столицу и решил козырнуть величием Церкви Макшины в этом районе, показав свою силу и интеллектуальную защиту, попросту зачитав несколько проповедей и зарубить парочку рабов на всеобщем обозрении, чтобы все помнили, кто истинные хозяева. И «А-8», и рабы, как люди, которым под силой страха вложена в души Программа Повиновения, должны осыпаться овациями и благодарностью любого санкционированного проповедника. Но во время поездки Инфо-кардинал он пропал, и предположительное место пропади – именно там, где стоят два человека.

– Анна, ты что-нибудь видишь необычное?

– Нет, будто...

– Он исчез. – Подхватил фразу Маритон, – тут даже явных следов боя нет. Я думаю, лучше стоит опросить свидетелей, хоть так что-то узнаем.

– Уже.

– Что? – на грубом лице мужчине пробежало удивление. – Кого ты уже успела опросить?

– Единственный свидетель, который был поблизости это вот эта камера, – в длинных пальцах девушки появилась чёрная, размером с ладонь, камера, представляющая из себя чёрную пластину толщиной в три сантиметра с экраном на одной стороне и фиксирующими элементами, размерами с сам экран.

– Как ты её нашла?

– Пока ты там возился с дронами, я осмотрела местность предполагаемой пропажи с помощью различных детекторов, – повернувшись в сторону капота, мужчина замечает очки, которые позволяют смотреть в различных диапазонах, обнаруживающих кровь, биологические следы, след топлива и т.п. – И ничего не обнаружила. Только вот эту камеру. По отметинам на корпусе, – указательный палец дамы касается пары броских отметин, сияющих металлик, – можно сказать, что она меньше суток здесь пролежала.

– И никто из «А-8» не подобрал.

– Странно это.

Рука мужчины касается растрёпанных волос и пытается привести их в порядок, а тем временем в голове работают мыслительные процессы. Маритон думает, что же здесь такое могло случиться. Кардинал пропал без всяких следов боя, как будто превратиться в пар. Если бы тут было применено оружие, способное испарить человека, то и асфальт стал бы месивом, а он целёхонький, только настолько потрескался, что через него всюю растёт трава и целые кусты.

– Давай посмотрим, что там, – предложила девушка.

– Хорошо.

Маритон аккуратно берёт камеру и зажимает кнопку с правого боку. Но реакции нет. Ещё одно нажатие, только левой рукой, скрытой под перчаткой, чтобы не смущать обычных рабочих металлическим имплантатом, но так же глухо.

– Похоже, от неё мы ничего не узнаем, – сурово роняет фразу Маритон, передавая камеру в сторону дрона. – Она сломана.

– Хм, странно.

– Придётся работать по старинке, как велит Исполнительная Программа, – недовольный голос Маритона перерос в сухую констатацию. – Опрос рядом живущих, сбор данных с помощью более чувствительных приборов, расставление датчиков и проповеди о «Вреде плохих помыслов против Информационно-Одарённых».

– Я как раз взяла чемодан с приборами. Начнём?

Но внезапно раздаётся крик, донёсшийся откуда-то справа:

– Стойте!

Три робота тут же взвели автоматы в сторону источника звука, готовясь по первому приказанию изрешетить говорящего. Девушка моментально достаёт из кобуры, спрятанной под плащом старый пистолет. Четыре ствола уставились на коренастого субтильного мужчину, одетого в вещи, присущей программанам группы «А-7». Это серые брюки, маловыразительная куртка и тяжёлые чёрные короткие ботинки, уходящие под штаны. На голове у парня серенькая кепка. Но вот только вид одежды удручает – всё потёрто, в заплатках, местами изодрано, а ботинки перетянуты леской, чтобы не развалились.

– Тише, опустите оружие, – настороженно молвит Маритон, и дроны подчинились его приказу, но не девушка и напарник тихим голосом пытается её успокоить. – Анна, опусти, пожалуйста, пистолет.

– Нет! Как только получу информацию, что он безопасен!

– У вас нет оснований мне не доверять! – кричит работник.

– «А-7» в рабочее время не исполняет рабочие обязанности! – вспылила Анна. – Какие ещё основания нужны для установления опасности?

– Так! – тяжело, но устрашающе громко вмешается Маритон. – Если мы все не успокоимся, то у нас не получится диалога! Анна, опусти оружие, он может стать нитью к Инфокардиналу.

– Хорошо, – руки девушки медленно спускаются к поясу, всё ещё держа оружие на взводе.

– Знай, «А-7», – обращается Аккумулярий к работнику, – одно резкое движение и дроны из тебя дуршлаг сделают.

– Хорошо.

Пока мужчина приближается к паре, Маритон вспоминает, всё, что связано с «А-7». Они более смыслённые и умные, способны руководить небольшими группами «А-8», отчего назначаются на должности чуть выше, чем обычные работники. Но они не входят в «Спектр Интеллектуалов», начинающийся с «А-5», поэтому для них так же закрыты многие заведения и места к посещению. Бригадиры, начальники складов, главы различных групп, прорабы и любые другие руководители незначительных групп пролетариата – вот стезя жизни «А-7». Чуть лучшее питание и одежда, на порядок улучшенный уровень жизни, но такой убогий и жалкий перед благами тех же «А-5». Военные, полицейские и другие програманне, причисленные к силовой группе «С» могут распорядиться их жизнями во имя «информационного блага» по усмотрению, если есть информация, что жертва их жизнью поможет становлению блага Информократии.

– Ты что нам хочешь рассказать? – с вызовом звучит вопрос от девушки, вырвавший Маритона из размышлений.

Плотный низкий мужчина, с водянистыми глазами, добрым круглым лицом, дрожащим голосом, жестикулируя, стал выдавать информацию:

– Мне наш старшой сказал, что сюды придут люди. И вот, мне поручено их привести к нему. А тут вы. Так что давайте, топайте за мной, – так просто отвечает рабочий парень, явно не зная, с кем он ведёт беседу.

– Кто этот «старшой»? – Суровый и грозный голос мужчины заставил опустить взгляд парня вниз, словно стыдя его. – Кто-то из «А-6»?

– Неа.

– «А-5»

– Неа. Он вообще без номеров, которыми всех обзывают. Себя он называет «Вольником». И он сказал, чтобы те, кто сюда придут, топали к нему. Он говорит, что у него есть важное сообщение. И его надобно передать. Так вы идёте или мне следующих ждать?

Девушка обернулась лицом к Маритону, давая понять всё своё беспокойство. В её зеленых глазах читается не страх, сколько обычная тревога. В первый раз за долгое время Информократия сталкивается с таким опасным и дерзким преступлением, что совершено против самого Инфо-кардинала.

– И тут это. Он сказал, что знает, что стало с... э-э-э, как его... м-м-м, Ихво-Кадрином! Во.

– Анна, нужно пойти. От нас сейчас зависит судьба человека с програманством группы «В-1».

– Ох, чувствую, что не так всё будет, – тихо проговаривает Анна, касается чуть потрёпанного волоса и убирает оружие в кобуру.

– Мы идём, веди нас, – приказывает Маритон «А-7» и сам обращается к дронам. – Охранять позицию у автомобиля. Если я дам «особый сигнал», вы должны на это место вызвать Полицейский отряд и передать им место последнего нашего местоположения.

– Будет исполнено Аккамулярий, – отвечает безжизненным согласием механизм.

Как только мужчина делает пару шагов, девушка тут же обращает к нему вопрос:

– А зачем ты оставил дронов? Они же нам там отлично помогли бы.

– Анна, лучше не брать их. У местных может случиться приступ ненависти при виде боевых дронов. Хоть все они психо-запрограммированы на полную лояльность, порой всё же бывают случаи неповиновения. К тому же мы идём на встречу с декадентами, а они уж точно вида их не перенесут.

Пара стала быстро углубляться в трущобы, раскинувшиеся между исполинских заводов. Гнилые домики, собранные из кусков асфальта, шин, плохих досок и кусков шифера. Роли кроватей играют набитые тряпками и соломой тканевые мешки, а одеялами и подушками

выступают скомканные листы бумаги, которую удалось получить на производстве как зарплату. Пища – гнилой чёрствый хлеб, синтетическое испорченное мясо, валяющееся на деревянных грязных досках, ставших столами. Таков типичный быт жителя «А-8» в этом районе. Могут меняться жилища в узких улочках – труппобные домики на палатки и землянки, установленные прямоком в огромных ямах, образовавшихся посреди улиц, но порядок жизни и уровень нищеты никогда не поменяется, ибо он статичен. Так решила некогда интеллектуальная элита, сочтя обычных рабочих, которые умеют складно и отменно применять физическую силу обычным скотом, не обременённым разумом. А если они не владеют информацией, значит, не нуждаются во благах.

Субтильный мужчина ведёт их по кривым улочкам и в проходах между огромными заводами и домами. Да, заводы настолько огромны и дома столь высоки, что тут навсегда поселилась темень, скрывающая сие места от лучей яркого и ласкового солнца. Практически никого не попадается на пути, ибо все работники трудятся на заводе за краюху каменного хлеба и литр протухшей воды. Разве только «А-8», без ног, без рук или слепые, не способные к выполнению работы, лежат у своих домиков и наслаждаются жизнью, валяясь по уши в нечистотах, ибо все биологические отходы выплёскиваются на улицу.

– Долго ещё!?! – зажав нос, преодолевая нестерпимый запах, звучит вопрос от девушки.

– Неа! Минута и мы на месте, – спокойно отвечает «А-7».

Пройдя по лужам из дерьма, мочи и отбросов, минуя кладбища – накрытых тканью рядов свежемумерших, группа попадает к подножью пятиэтажного здания, похожего на дом после войны. Под ним трещинами, разросшимися до целых оврагов, пошёл асфальт. Кучи мусора и обломков окружают постройку, а сам фундамент знатно просел на левый бок, и вся махина накренилась, словно пизанская башня.

– Здесь?

– Да.

Группа проходит за проём входной двери, роль которой выполняет навес из тряпки и попадает в кромешную темноту, рассеиваемую эфемерными лучами света. Как только Маритон минует порог, в его лицо утыкается ствол старого автомата и звучит приказание остановиться.

– Ты куда нас завёл, паршивец?! – разносится по всем пяти этажам крик девушки. – Я порву тебя.

Группа из пяти автоматчиков остановила двух Аккамуляриев на лестничной площадке, выставив стену дул из АК-74, готовых накрыть

– Да, малой, какого чёрта ты к нам их приволок, – голос человека, стоявшего в тени грозен и отдаёт нотками рычания. – Это же законники. Не охота их здесь валить.

– Это по повелению старшего Вольника.

– Что ж, – рыком разносится голос воина и металлическое гроыхание убираемого оружия, чьё лицо покрыто тенью. – Вам на второй этаж. Комната № 21.

Анна и Маритон продолжают путь, испытав шок от того, что их тут едва не убили. Аккамулярии из Полиции ищущей вирусных элементов общества испытали диссонанс перед неминуемой смертью, коснувшейся их труппобным дыханием. Отлынивающие от работы, пребывающие в депрессии, отступники, преступники и все, кто может представлять угрозу Информократии, едва не положили «законников» в грязном подъезде, как тупых «А-8» или рабов.

Поднявшись на нужный этаж, найдя квартиру и дверь, представленную трухлявой доской, Маритон с одного удара ногой её выносит с приготовленным пистолетом, пылая неистовой жаждой узнать, где Инфо-кардинал.

– Всем оставаться на месте! – кричит мужчина, заходя вместе с девушкой, но на них смотрит один высокий старик, окутанный в чёрный грязный балахон, подпоясанный леской, стоящий посреди небольшой комнатухи.

– Где Кардинал? – вопрошает девушка, водя оружием из стороны в сторону, обыскивая серую, лишённую мебели и обоев комнату.

– Его здесь нет, – кротко даёт ответ старик. – Он сейчас в другом месте. И по-другому думает.

– Что вы с ним сделали? – пистолет Маритона направляется прямиком в голову пожилого человека. – Отвечай, а не то сдохнешь!

– Тише, молодой человек, – довольно произнёс старик. – Сначала я отвечу на ваш первый вопрос, который вы хотите разгадать. Да, он был похищен нами, «Стяжателями Справедливости», а все «Киберарии» решили к нам присоединиться, вслед за вашим Инфо-кардиналом, решившим принять истину. Ответ второй, – опережая вопрос Маритона, тихо произнёс мужчина, – зачем мы это сделали? Потому что этот мир слишком жесток к тем, кто недостаточно одарён информацией. Потому что он не дарует блага для всех, а лишает многих возможности почувствовать истинные радости. Мы боремся с преступным миром, отбирающим у нас законную свободу. Мы не хотим жить в мире интеллектуального фашизма, где те, кто прошёл порог – купаются в роскоши и благах, а те, кто их создают вынуждены вести жалкое существование. Мы боремся, потому что должны бороться.

– Но зачем? – доносится вопрос, полный наивности от Анны. – Апостолы подарили нам мир, лишённый ужасов Кризиса и наполненный стабильностью. Мы сильнейшие среди всех соседей. И опередили по развитию на сотни лет практически все государства. Зачем рушить этот мир?

– Одним дворцы, другим лачуги, – внезапно по широкой седой бороде побежали струйки алой крови, и старик прикладывает палец к губам. – Мне осталось недолго, но скажите, почему мы должны жить в нищете и принижении, когда за границей интеллекта люди купаются в роскоши? Сейчас вы увидели лишь малую часть того, как мы живем, и я не уверен, что вы поняли, как мы страдаем.

– Нам плевать на ваши идеалы и мечты, – грубо кричит Маритон. – Говори, где Кардинал, иначе я вышибу тебе мозги!

– Он? Сейчас направляется обратно, в город, чтобы нести наше учение. Мы, как вы любите говорить, перепрограммировали его душу. Нас называют «вирусами», о нас не рассказывают, но мы существуем. И мы решили о себе напомнить.

– Ты о чём вообще?

В руках старика появляется маленькая дискета, способная поместиться на ладони. Маленькая, но довольно объёмная, содержащая сотню гигабайтов информации.

– Вот, вот здесь всё собрано. Тут наша жизнь и тёмные стороны вашей «элиты». Отсюда ты поймёшь о том, что делается за гранью избранности.

Аккамулярий смотря через прицел плазменного пистолета, погряз в рассуждениях. С одной стороны он может убить «Вирусного члена общества» и забыть про сказанные им «откровения». Но всё так сложно, ибо сам Маритон находит правильность сказанных речей. Они коротки, но правдивы. И пока старик захлёбывается кровью, сам себя, убивая и протягивая диск, мужчина понимает, что грядёт нечто глобальное. В последний момент, перед тем как рухнуть на пол, Маритон хватается за дискету и забрасывает в карман, позволяя старику погибнуть от принятой дозы смертельного яда.

– Что это всё значит? – с аккуратных губ девушки сходит вопрос.

Анна обескуражена. В её оливковых глазах клубится вуаль обречённости и разгорается грусть. Душу милой девушки поедает удивление. Аккамулярий и не предполагала, что кто-то может с таким фанатизмом ненавидеть свою родину или даже желать её краха. Она не спешит

поправлять растрёпанный длинный волос или утирать сажу с бледных щёк, удерживая в одном положении пистолет и погрузившись в себя.

– Не знаю. Но всё это явно к добру не приведёт.

Внезапно на всю комнату раздаётся вызов передатчика – рвущий слух вой, и Маритон активирует передачу, и из устройства полился другое завывание, пуще прежнего:

– Маритон УК-115, Анна УК-205, говорит Виотин УК-99, где вас чёрт побери носит!? Быстро возвращайтесь в город. Тут такое творится...

Глава третья. Поломанный кардинал

Спустя час. Дневной Цикл. Город Тиз-141.

«Во имя утверждения философских информационных идеи следует учредить великую Церковь Макшины и сопутствующие инфо-культы, и те, кто станет членом нового духовенства, исповедующего веру в силу информации и её могущество, станут нарекаться программаннами группы «В». Таким программаннам будут даны особые права и обязанности, которое запрограммированы будут в их душах, дабы свои обязанности по просвещению народа они исполняли с особым рвением и усердием.

Ну а теперь следует дать понять, чем и как они будут заниматься, ибо не может программаннин не исполнять работу, ибо нами, Директорис Апостолис установлена информация, что работа на благо общества приводит к социальному прогрессу.

Макшина, что будет центром новой философии, учения, которое понесут программанне группы «В», есть великий дух информации, Божество информатизации и её процессов. Без пола, без формы, чьё тело состоит из единиц и нолей, из букв, отражающих информационные данные, она пронизывает своим великим разумением всякое существо. Информация – везде и повсюду, у нас есть от рождения пять чувств, чтобы считывать информацию, а затем мы находили всё больше способов её подсчёта. Так что если информация не благодать Макшины, которая даёт нам информацию, ради которой и не благодаря ей мы живём? Если бы нам не дано было считать информацию, то и человечества не существовало. Значит, Макшина единственное Божество, достойное поклонения и ревности душ наших.

Церковь Макшины есть единственное признаваемое духовенство, которое проповедует о величии информации, её божественности и суровости. Именно суровости, ибо основная кара Макшины – лишать человека возможности считывать информацию. Церковь наша будет состоять из инфо-кардиналов, Инфо-епископов, инфо-священников и глав инфо-культов со всем вспомогательным персоналом. И недаром епископы, и кардиналы значатся с большой буквы – их миссия священна.

Инфо-философия основополагающее учение данное нам Макшиной. Оно говорит о том, что информация – главное благо, ради которого нужно жить и единственная ценность мира. Нам не нужны деньги, ибо есть информация. Гуманизм – брэнность, ибо установлена информация, что он ведёт к социальному распаду. Так же наша великая философия установит нерушимую общественную стратификацию, создаст Социальные Слои, посредством которых мы установим власть умнейших и информационно-одарённых. Те, кто способен применять и находить информацию, именуемую знаниями, должен занять самый верх социальной пирамиды и раздавить тех, кто отвергает власть интеллектуально одарённых. Великий Кризис случился по вине финансовых элит, когда же на смену им придут элиты умственные, то установится вечный порядок, ставший основой для страданий убогих и не имеющих информации. А посему сия философия постановляет разделить единую информационную власть на три ветви, связанных с собой, именуемых теперь Апостолиитетами. Апостолиитет Программаннско-Процессуальной Власти возьмёт на себя владение материальными ресурсами страны. Апостолиитет Церкви Макшины принимается за моральную информационную обработку народа. А Апостолиитет Систем Борьбы с «Вирусными Элементами, угрожающими Информократии» обязуется воевать против всякого отступника от великого учения про Макшину.

И об инфо-культях. Они есть продолжение миссии Церкви Макшины и призваны нести её свет среди самых убогих и неодарённых, только применяя более абстрактные образы и воздействуя на народ более детальными способами».

– Из Информационно-абсолютистской Директивы № 1-2 созданной Апостолами.

Маритон бежит со всех ног к центру города, куда его вызвал Виотин УК-99. Всюду шныряют военные и боевые дроны, выполняющие залорженные в них силовые программы. По стекло-плитке, уложенной между высотными домами, чеканят шаг солдаты и боевые роботы, сгоняющие обычное население по домам, а поэтому только военные и полицейские оказываются на улицах, беря под контроль каждый её сантиметр. Всё напоминает подготовку к тяжёлой военной операции или начало войны, отчего обычным жителям страны становится не по себе или даже страшно.

– Програманнин, – слышит к себе обращение полицейского Маритон, – предоставьте, пожалуйста, ваши документы.

– Ты не видишь мою форму? – грубо заявляет Аккамулярий. – Посмотри на меня и скажи, кто я?

– Исполняем информационно-поручающую директиву «Проверка».

Мужчина за мановение ока оборачивается и видит перед собой подтянутую фигуру высокого парня, лет сорока, с выразительными чертами лица, глазами, представленными искусственными механическими устройствами, с фиолетовой радужкой. На тело представителя програманнства группы «В-4» ложится тяжёлая кожаная куртка, усиленная металлическими вставками, отчего имеющая схожесть с бронежилетом, укрепленные твёрдой кожей штанами, и сапоги, доходящие прямоком до колена.

– Конечно. – Аккамулярий протягивает пластинку, которую выхватывает полицейский и вставляет в небольшое устройство проверки, схожую по размеру со спичечным коробком.

– Маритон УК-115. Ты ли это? – отдавая документа со светоотражающей пластинкой, удивлённо вопрошает полицейский.

– Да, Саен РП-4643, это я.

Представитель Правоохранительной Системы, смотря на грубое лицо Маритона, в его полыхающий алым цветом глаз, на широкий лоб, узнаёт бывшего напарника, который был повышен в Аккамулярии.

– Зачем мне этот светоотражатель?

– Надень его, так все остальные будут знать, что ты проверен.

– Хм, благодарю. Давно же мы не виделись, – мрачно, но с явной ностальгией констатирует Маритон. – Сколько лет, десять? А может больше?

– Я бы рад продолжить диалог, но сам понимаешь, работа, – пожимая плечами заявляет Саен и тут же его широкие губы молвят вопрос. – Ты можешь объяснить, что тут происходит?

– Я думал, это ты мне расскажешь. Я сюда недавно приехал недавно и ещё не донца понял, в чём проблема. Я был за «Кругом», как меня вызывал начальник разобраться.

– Хорошо, – осмотревшись по сторонам, заприметив парочку военных, которые волокли за шиворот кого-то из «А-7», доставляя к дому, полицейский изъясняет ситуацию. – Всё началось около полтора часа назад. По городу стали выступать какие-то несанкционированные проповедники. Первый встал на краю цивилизованного города, у площади Информационного Просветления и стал рассказывать про грядущую справедливость и падение Информократии.

– И как быстро ему сняли голову? – иронично сбрасывает фразу Маритон.

– Хах, понимаю, но это не всё. Как только его тело унесли с площади, ещё десяток в разных местах города стали заливать тем, что нынешнее положение дел это проявление несправедливости и жестокости. А так же прозвучали первые призывы к свержению «нечестивого дьявольского правления Макшины».

– Дьявольского?!

– Я понимаю твоё удивление и круглый взгляд. Я уже тридцать лет не слышал такого слова. И клянусь, случится что-то нехорошее.

– Понятно... Ладно, мне нужно идти. Как-нибудь увидимся.

Маритон не изменил выражение лица, как было кирпичом, так и осталось, хотя от того, что происходит нечто способное заставить Апостолов пересмотреть методы правления, мужчина готов ликовать. Но вряд ли происшествие в одном городе может привлечь внимание столь высокопоставленных особ.

Как только Маритон сорвался с места, убегая дальше в город, полицейский его кликнул с вопросом:

– А где Анна?

Маритон и сам хотел бы знать, где сейчас Анна. Когда они расставались за воротами, отделяющими «Круг Интеллекта» и производственные районы, она говорила, что поставит служебный автомобиль и побежит к точке схода, обещав нагнать Маритона, но потом неожиданно пропала. И вопрос полицейского так и повис гулким эхом в голове Аккамулярия.

Улицы в городах прямые, ровные, поэтому бежать по ним одно удовольствие, но вот растянутые и лишённые переходов, да и их запустение, ни лавочек, ни деревьев, ни фонтанов, которое продиктовано установленной информацией, что люди, видя на улице объекты отдыха, будут ему предаваться, не давая полной выработки и максимально-возможного КПД. И чтобы попасть из квартала в квартал, необходимо делать огромные крюки, что только увеличивает время, затраченное на бег. Каблуки сапог вычеканивают звон по стекло-плите, разлетающийся эхом по абсолютно лишённым простых людей улицам, вокруг роятся военные, выслеживая любого отступника, а в небе появляется авиация. Анализируя всё это Маритон понимает, что произошло серьёзное происшествие, поэтому лучше спешить.

Спустя минут пять непрерывного бега мужчина, проходя через огромную квадратную арку, ставшую входом, выбегает во двор самого высокого здания в Тиз-141. Сотня эпатажей устремлённости к небесам, увенчанных медным шпилем, благодаря этому формируется ощущение, как будто это здание подбирает небесный свод.

В широком дворе, окружённом забором, идущим от арки, представленный прутьями с неоновой синей начинкой, расположился целый штаб полиции и военных. Десяток машин на гравитационной технологии у грав-линии и старенький эпохальный пассажирский вертолёт. Всюду во дворе меж автомобилей и у вертолёта шныряют люди из Правоохранительной Системы Полиции и в такой же форме, как и сам Маритон.

Шорох и суета, говор и гул от работающей техники перекрывает смысл слов, которые мог бы услышать Маритон, но вот крик, исполненный гневом и недовольством, отчётливо слышен:

– Ты где был! – звучит недовольный голос, перекрикивающий весь остальной шум. – У нас нестандартная и тяжёлая ситуация!

– Я шёл сюда, Уважаемый Руководящий Аккамулярий.

Справа побирается грузная фигура Виотина УК-99. Его широкое лицо подобно холодному куску льда, а суровый взгляд точит болезненным укором. Маритон понимает, что допустил оплошность, поэтому стоит смиренно, уставив взгляд на синюю расцветку стоэтажного здания, возле которого толпятся три десятка человек на сторону.

– И как же ты сюда шёл, если у меня есть информация, что Анна УК-205, тут уже как десять минут здесь? – Виотин УК-99 сложил руки на поясе. – Ладно, давай к нам. Доложишь о своих путешествиях по форме-1, только позже.

Маритон оборачивается и видит, как рядом с начальником стоит Анна, руками оперлась на капот автомобиля, склонив голову над картой, внимательно разглядывая каждый аспект голограммы. Возле них расположилась вся оперативная группа в количестве пяти человек, которой поручено идти внутрь, что видно по их чёрной военной броне.

– Предоставьте нам информацию, добытую в ходе расследования на месте, Аккамулярий Маритон УК-115. – Прозвучал строгий приказ руководителя.

– Будет исполнено, – уставив краткий взгляд на девушку, которая не спешит убрать пристальное внимание с карты, докладывает Маритон. – Во время проведения расследования была

установлена информация, что Инфо-кардинал, обладатель програманства группы «В-1» был похищен неизвестной организацией, базирующейся в промышленном районе № 0-5, именующей себя «Поборники Справедливости».

– Стяжатели они, – вытягиваясь в полную осанку, поправляет Анна напарника и, обращая взор миндалевых глаз на руководителя, продолжает доклад Маритона. – Всё так, нам об этом рассказал один из предводителей движения. Перед смертью он предоставил информацию, что Инфо-кардинал был предан своими же «Киберариями» и захвачен в плен, а потом они с ним что-то сделали, что, исходя из информации отступника, Инфо-кардинал больше не исповедует Инфо-философии.

– Уважаемый Руководящий Аккамулярий, вы можете рассказать, что происходит тут?

– У него нет компетенции на это, и вы должны осознавать эту информацию.

Маритон, задавший вопрос оборачивается в поисках того, кто есть хозяин данной реплики. И позади мужчины оказывается высокая фигура, на которой развиваются от настойчивого ветра синие одеяния, как у древнего священнослужителя, только лицо скрыто под капюшоном и лишь виднеется неоновая борода, отдающая в пространство ядовитым голубым светом. В руках незнакомца зажат высокий тяжёлый посох, отлитый из латуни, имеющий на навершии символ молнии.

– Святая Макшина, такая компетенция есть только у меня, ибо вы должны помнить информацию. Не уж, то, по попушению информационно кода-духов вы смели забыть про это?

– Нет, – склонив голову, почтенно заговорил Маритон. – Уважаемый Инфо-епископ, клянусь святым кодированием, помню. Только вас тут не увидел.

– То-то, – и, едва по-старчески, кряхтя, пройдя мимо парня, обращается к прямиком к Руководящему Аккамулярию. – Я даю вам священную информационно-позволяющую санкцию от имени Церкви Макшины. Расскажите им о том, что тут происходит. И не поскупитесь на количество информации. – И взявшись за посох обоими руками, священник тяжело наклоняется над картой страны, расположенной над капотом, оставляя Аккамуляриев.

– Ну? – осматриваясь вокруг, смотря, как сюда стягиваются силы военизированных подразделений, с вызовом звучит вопрос Маритона. – Что же тут творится, в конце концов?

– Полтора часа назад случилась первая попытка свержения власти Информократии.

– Храни нас Апостолы, – обеспокоилась Анна. – Как же такое могло произойти?

– В десяти городах стали появляться несанкционированные проповедники, рассказывающие инфо-ересь. И сам пропавший кардинал объявился. – Рука мужчины устремляется в сторону пика высокого здания, уткнувшись в самые высокие этажи. – Он вон там, готовит все виды информационных передач, что бы донести «новую истину», как он и сам выразился.

– А как он вообще там объявился? Это же здание Прото-Апостолитета по Хозяйству нашего Территориально-Системного Района.

– Так как он обладатель програманства группы «В», ему открыты все дороги и туда, куда он захочет, он войдёт без проблем. В сопровождении шестерых «Киберариев» он прошёл спокойно на сороковой этаж и готовится донести новую еретическую информацию, – лицо начальника исказилось в незначительной гримасе ненависти. – Он теперь работает не на Информократию, а идёт по обратной стезе.

– Да, – вмешивается в разговор Инфо-епископ, – именно поэтому святые духи кода и программ будут рады, если наш бывший Инфо-кардинал будет подвергнут процедуре ликвидации.

– Вы хотите...

– Да, Анна УК-205, – продолжил за девушкой Маритон. – Они хотят, чтобы он прекратил существование и был убит.

Девушка не опешила, но по взгляду видно, что её посетило удивление, которое подточило сомнениями её разум. Прекрасная дама не в состоянии понять, как можно убить такую

высокопоставленную особу, ибо с рождения им вкладывают фундаментальную информацию – нельзя трогать высшее духовенство, верховных офицеров и главных управляющих. А все враги Информократии таятся среди необразованных, лишённых блага обрабатывать информацию рабочих, которые и есть главный рассадник инфо-ереси.

– Наш кардинал сломался, – все с большим вдохновением продолжает макшинослужитель, – да, его мыслительные системы лишись возможности вести праведное служение Макшине. А любую поломанную деталь убирают из всяких систем, дабы её предназначение не сбивалось, и система продолжала вести великое информационное дело обеспечения жизни. Говоря на Священном Лингва-Кодике: «Сист-а-Инф-Сакра, Гома-Витэ-Радика». Иначе – Системы и информации священны, человеческая жизнь ничтожна.

– И каков ваш план, ваше инфо-святейшество?

– Ох, как ты своим рвением радуешь духов кода и системы, которые сегодня витают вокруг нас, – положив правую костлявую руку на плечо Маритона, радостно твердит макшинослужитель. – Ты, с Анной УК-205, поможешь мне в этом деле.

– Так, – раздаётся грозный голос Виотина УК-99. – Вы не можете их взять на штурм. Они не экипированы должным образом и в их цели не входит выполнение боевых штурмовых задач, что даёт нам информацию – они будут бесполезны.

– Ох, сегодня Макшина требует, чтобы они поучаствовали в великом деле искоренении инфо-ереси. А посему, в сопровождении войска безгрешного, да духов священных, они пойдут на войну с отступниками.

– Я вам не позволю этого сделать. Я их руководитель и мне решать, когда пускать людей, не уполномоченных на проведение боевых действий на битву.

– Ещё слово и станешь равен инфо-еретику! – в праведном бешенстве взревел Инфо-епископ, раскинув руки по сторонам в символ креста. – Я обладатель группы «В-2», а это даёт информацию, что мне, директивами и протоколами, да и самой Макшиной на меня возложено право, призывать в священный бой любую силу или ресурс! Не противься, окаянный, а не то предам инфо-анафеме!

Виотин УК-99 готов отобрать посох у епископа и приложить макшинослужителя об холодную латунь, раскроив буйную голову. Но поняв всю безумность и несуразность мысли отступил, зная, что его раздумывания – отступничество. Он никогда не расходует подчинённых, как мясо для бойни. А выступать против «Киберариев» без брони – то же самое, что идти на войну в трусах. Но придётся отступить. Либо двое сотрудников, либо вся группа под его руководством будет обвинена в ереси и предана священной каре искупления – станут рабами.

– Хорошо, – сквозь скрип зубов звучит ответ. – Но я пойду с ними.

– Нет, Виотин УК-99, вы остаётесь здесь, – сурово молвит чугунное слово макшинослужитель. – Вы, как руководящее звено намного ценнее, а поэтому останетесь здесь. Так хочет Макшина, а я приказываю.

– Но это же...

– Молчите, во имя святых, нетленных инфо-носителей и духов, не пререкайтесь, – и, обратившись к Анне и Маритону, ткнув в них посохом, отдаёт краткий приказ. – За мной. И штурмовую группу с собой прихватите.

Маритон, печально махнув рукой, пошёл в сторону ступенек, собранных из мрамора. В руках снова плазменный пистолет, сильно похожий на револьвер древности, только теперь вместо барабана место, где сосредоточена плазма, а дуло стало невероятно коротким, почти слившись с ёмкостью.

– Именем Макшины откройся! – с кончика посоха срывается заряд бешеной энергии, похожей на шаровую молнию и на огромной скорости врезающийся в дверь, разносящий её в щепки.

Наступающих тут же накрывает облако из опилок и щепок, вкуче со стекольной пылью, образовавшейся от мощного энергетического воздействия.

Аккумулярий прикрылся плащом, который принял на себя волну мусора. Страшный взрыв гремит и Маритон понимает, что началось то, что было забыто в давнюю эпоху кризиса – брат пошёл на брата, програманнин против програманнина. Всё это пахнет таким старым понятием и осязаемым душой с особой колкостью... всё это несёт гражданской войной. От только помышления об этом поджилки сурового мужчины затряслись, а дух готов провалиться в пятки, ибо не пропали в душе ещё образы древнего падения в войны, где семья против семьи, где горят целые города, а голод делает из людей зверьё, ставшего адским временем, для тех, кто жил раньше.

– Вперёд праведники! – взывает к бою Инфо-епископ. – Уничтожим сломанную деталь нашей великой Общественной Системы!

Маритон украдкой направляет взгляд на Анну. Как ему хочется встать рядом с ней, закрыть от вихря плазменного огня, что готовят отступники, но такое проявление будет распено, как предательство против Инфо-философии, гласящей, что «установлена информация, что любое поведение защиты мужчиной женщины может стать предтечей любовных чувств, а это в свою очередь недопустимо...». Он видит, как колышутся её витеватые чёрные волосы, как она аккуратно шагает по ступеням, но не имеет права встать рядом с ней, отчего на душе особо тягостно.

Проходя за порог, боевая группа видит всю роскошь, в которой оформлено здание – янтарная плитка на полу, стены, отделанные мрамором и золотом, усыпанные драгоценными камнями. С потолка свисают люстры вместе с гобеленами, на которых изображены иконы Макшины – бесформенная масса единиц и нолей, похожих на червя. Узкий длинный коридор протягивается на сотню метров и ни один его уголок не покрыт мраком, а полностью заливается светом люстр, предоставляя на строгий взор каждый сантиметр. А в конце коридора видна шахта лифта, скрытая за закрытыми дверями.

– Впереди засада, – шёпотом говорим Маритон. – Точно.

– Так уничтожьте её! – разорался макшинослужитель. – Благословенные Макшиной духи направят вас!

За секунду до контакта Аккумулярий замечает размытое пятно и поднимает пистолет, но слишком поздно. Ревущий сгусток плазмы вылетает из ниоткуда и ударяет прямым в шею бойца и военный падает на пол, захлёбываясь текучим металлом, что льётся в дыру на горле. Маритон делает три ответных выстрела и каждый сгусток плазмы аккуратно ложится по телу «Киберария», но не выводит его из строя. Это бывшие люди, объединившиеся с металлом и механизмами, ставшие киборгами и убить их не так просто.

Ураганный огонь «Кибириариев» становится ответом. И сгустки плазмы подобны противному шипящему рою, который заполнил помещение горелым ароматом и одновременно озарил его светло-синими вспышками. Солдаты пытаются отстреливаться, но плащи искажения реальности скрывают положение вражеских воинов и поэтому огонь штурмовой не возымел эффекта, разойдясь среди позиций Киберариев.

Маритон хватается за хрупкое плечо и опрокидывает на пол, чтобы шальной сгусток не превратил её приятную бархатную кожу в тлеющий уголь. Девушка ложится на пол и пытается стрелять из такого положения, но трудно стрелять по мишеням, которые не видны и каждый её выстрел пролетает мимо заветной цели.

Инфо-епископ держится с помощью энергетического щита, сгенерированного посохом. Против обычных пуль он бесполезен, но плазму рассеивает отлично, поэтому за ним макшинослужитель, как за укрытием и плевать он хочет на бойцов рядом с собой и вместо защиты зачитывает им литании:

– Во имя Макшины поднимись боец, отринь слабости и уничтожь врага. Покарай отступника, ибо так говорят святые Апостолы! Давай воин, покажи свою отвагу перед служителем великой Церкви, докажи, что ты достоин царства информационного!

– Отряд! – приказывает командир. – Закидайте их гранатами!

Все у кого есть гранаты, сорвали их с поясов и приготовились обратить в прах врага. Зазвенела славным звоном снятая чека, и последовали щелчки, после чего на врага полетел дождь гранат. Две секунды и узкий коридорчик сотрясся от такого взрыва и его за мгновение заполнил огонь и дым, пожирая гобелены, взметая их в воздух горящими лоскутами превращая в пыль изумительные узоры на стенах.

В ушах Маритона раздаётся истошный звон и писк. Вместе с отрядом он лежит на полу, поэтому осколки пролетели со свистом над головой. Но всё же от такого взрыва его сильно колышет и кружится голова, которую он поднимает, чтобы оценить ситуацию.

Внезапно из дыма и клубов мраморной пыли возникает фигура «Киберария». Отступник двигается слишком быстро, преодолевая значительные расстояния за секунды. В его руках зажат клинок, похожий на гладиус, обвитый паутиной электрических разрядов и освещающий пространство глубоким синим цветом, голова укрыта под капюшоном, а оттуда сияют три алых диода, ставших глазами. Руки полностью из металла, как и ноги, но только до голени, на которых отсутствует обувь. Всё тело закрывает длинный опалённый белый плащ.

«Киберарий», минуя расстояния и завидя первую уязвимую цель, тут же бросается к ней. Маритон использует все ресурсы тела, чтобы резко подняться, но это ему удаётся тяжело. Тем временем металлические пальцы твари сжимаются у головы и «Киберарий» хватает девушку за чёрный волос и срывает её с места. Анна кричит, брыкается, пытается противостоять, но её удары по безжизненному телу врага не приносят ему урона и лишь кулаки стираются в кровь об металлический корпус тела.

– Анна! – яростно выкрикивает Маритон и бросается на помощь.

«Киберарий» отбрасывает девушку в сторону, прикладывая её головой об стену, и та падает без сознания, что приводит мужчину в исступление. Киборг замахивается для удара, но его рубящий удар сталкивается с металлической рукой Маритона и сноп искр озаряет коридор, где от взрыва гранат потухли все люстры. И вновь заплесали плазма, наполняя секундным светом помещение, так как солдаты встали и стали обстреливать концентрированным огнём позиции противника, плащи которого вышли из строя.

Следующий удар приходится стальным кулаком по печени, вынуждающий Маритона отступить.

– Ну, давай, мешок с костями! – нагло взывает киборг. – Порази меня! – и снова бросается на Аккамулярия, пытаясь искромсать того остриём меча.

Лихой сгусток плазмы, выпущенный со стороны союзника попадает в глазные датчики «Киберария», заставляя того пятиться назад, чем и пользуется Маритон. Вытянув руку, и с близкого расстояния он выпускает всю ёмкость с плазмой в лицо отступника, заливая синим inferнальным огнём механический лик «Киберария». Лицевые пластины не выдерживают такого напора и плавятся, проникая в мозг и сжигая его. Смерть страшная, но быстрая.

Тем временем бой прекращается и наступает полное затишье, с повисшей дымкой и ароматами жжёного мяса и горелых проводов. «Киберарии» сожжены, но какой ценой. Один солдат остаётся в живых, машинослужитель ранен в руку.

Маритон, забыв про наличие ревнителя философии Макшины, бросается к Анне, давая волю чувствам. Грубая рука касается ямочки на щеке девушки, отчищая её от крови и пыли. Маритон готов провести с ней всё время и посвятить всю жизнь, но предательский мир взывает к обратному:

– Схватите Инфо-кардинала! Не дайте ему обратиться к народу и пустить еретическую информацию!

Маритон, как оставшийся единственно способный к выполнению миссии поднимается и бегом устремляется к лифту. Вызывая его он становится на полукруглую пластинку, которая вмиг доставляет его на сороковой этаж, где потребовалась всего пара секунд, чтобы обнаружить нужный кабинет.

– Вы арестованы именем Информократии! – заходя в помещение, уставленное повсюду у стен высокими под потолок чёрными как ночь системными блоками, высотой до трёх метров.

Огромные и могущественные системные блоки, среди которых человек кажется букашкой и чувствует слабость плоти питают добрую часть информационных городских систем. Войдя в комнату, Маритон носом уловил приятный «офисный» запах нагретых микросхем, а кожу обдаёт тепло работающих электронных механизмов.

Отступник медленно поднимает взгляд на вошедшего парня, отрываясь от работы за связующим ноутбуком. Правый глаз – живой, цветом лазурной небесной глади, а вот по левой стекают ручейки крови, идущие из пустой глазницы. Левый глаз выдран, а там где глазная впадина, зияет бездна и лишь два прозрачных проводка её маленько рассеивают. Аккумулярий понимает, что обезумевший макшинослужитель себе выдрал глаз, но зачем? Решил избавиться от всего, что его связывает с Информократией?

– Мёртвых не арестовывают, – тяжело заявляет старик в фиолетовом стихаре, расшитым неоновыми нитями, стоящий посреди комнаты у столика к которому тянутся тысячи проводов. – Можешь прямо сейчас меня убить, но это ничего не изменит. Я собираюсь свершить то, что откроет людям глаза!

– Что вы собираетесь сделать? – целясь в голову, вопрошает Маритон.

– Рассказать истину, вот что. Макшина – обман, который мы проповедуем, чтобы продолжать угнетение тех, кого считаем недостойными. Я поведаю миру о том, что наше общество не идеально, а стало оплотом зла.

– У вас была власть, был почёт и уважение. Вы же несёте свет Макшины и прогресса, почему вы предали родину? – спросил Маритон, всматриваясь в Инф-Кардинала и полагая, что его попросту загипнотизировали, пустили в сознание вредоносную мысль, которую он приводит в исполнение. – И как за вами пошли Киберарии.

– Свет Информократии ослепляет... я же прозрел, когда мне показали результаты дел рук наших. Пускай же очнутся от безумного сна и остальные, пока день великого страшного суда не наступил, и всех нас не постигла справедливая кара, – макшинослужитель на мгновение замолк, впад в раздумья, но вот снова говорит. – А Киберарии существа служивые. Я призываю, а они делают.

– Вы, похоже, сломались. – Маритон для себя подтвердил версию, что с ним поработали «психокорректировщики» мятежников, сделав из него инструмент в своих руках.

Старческий морщинистый лик всей гримасой показал неприятие сказанных слов, после чего сухие губы разверзлись, неся информацию:

– Конечно, в мире, недостойном носить такое название, всякий, кто пойдёт против тюремщика есть тот, кто сломался, ибо он не соответствует отведённой роли или Системному Предназначению. Но почему у нас вообще должно быть какое-то предназначение или кто сказал, что какие-то роли должны отыгрывать люди? – взяв секундную театральную паузу отступник, смотря единственным живым глазом прямо в душу Аккумулярия духовно продолжил. – Вчера мне открыли истину, показали, что наш мир это тюрьма, в которой гибнут тысячи людей совершенно несправедливо, и я поделюсь с программаннами этой информацией.

– Так расскажите это Апостолам, незачем гробить Систему, – рыская в кармане в поисках связного устройства, затягивает Маритон. – Они примут ваши слова. Можно же начать реформы.

– Знаешь, здесь, на камерах, я видел, как ты бросился к одной девушке, которая ранена. Твоё поведение все бы расценили, как предательство против Инфо-философии и я бы тоже,

будь это раньше. Но ведь, парень, ты понимаешь, что это всё безумие и нельзя расценивать помощь раненой девушки как преступление. Скажи, ты ведь хочешь быть с ней?

– Это не то старик, – огрызнулся Маритон. – Сдавайтесь и с вами обойдутся мягко.

Умудрённый возрастом и недавним знанием высоко почтенный мятежник задумался, нахмурившись. За кликом парой клавиш он может ввергнуть всю Информократию в безумие, мятежи и восстания, но время ли для этого? Неожиданно для себя повстанец осознал, что сейчас не время для просвещения и велик шанс, что его дело пойдёт прахом, уж слишком сильны карающие силы тюрьмы-государства. Отверзая уставшие уста, Инфо-кардинал говорит:

– Вот видишь, твои Апостолы лишают тебя того, что ты искренне любишь. Информократия забрала у нас всё и дала лишь порядковые номера и закрепление в государстве-тюрьме, отведя вечные роли. Разве тут возможны реформы? – И как только сухие губы захлопнулись, морщинистая живая рука пожилого человека не стремится нажать на одну из сенсорных кнопок, расположенных на клавиатуре, застыв на месте.

– Стойте! – наигранно дёрнув пистолетом с одним зарядом, кричит Маритон.

– Что ж, ты можешь, выстрелит в меня, а можешь в Узел. Я облегчу тебе работу, ибо во мне больше надобности нет, – и второй рукой достаёт эпохальный револьвер, до момента скрытый за густыми тканями стихаря, за мгновение прикладывает к виску и спускает курок.

Секунда и раздаётся глухой залп. Кровь и мозговое вещество брызнули на один из блоков, а его корпус отрикошетил пулю. Инфо-кардинал грохнулся замертво, выронив оружие и распластавшись у стола, став заливать потоками алой жидкости чистый мраморный пол и скоро под ним образуется лужа.

Маритон опускает оружие и подходит к «Узлу» информации и вводит приказ – «вытащит дисковод». Из устройства, похожего на ноутбук, существовавшего до эпохи Великого Континентального Раздора, выползает маленькая пластинка, на которой лежит такая же дискета, что и у Маритона. Он её не оставляет на месте, чтобы обнаружили следующие Аккумулярии, а забирает с собой.

– Что стало с кардиналом? – Звучит вопрос из средства связи, закреплённого у шеи. – Мы слышали выстрел, каков статус...

– Он сломался, – смотря на распластавшееся тело мёртвого отступника, отвечает Маритон. – Окончательно.

Глава четвёртая. Вирусная идея

Спустя час. Дневной цикл. Город Тиз-141. Оперативный штаб.

Небеса продолжают темнеть, окутывая себя толстым панцирем из тяжёлых и массивных туч, отдающих свинцовой весомостью и прожилками синевы, какие бывают только у грозовых облаков. Отчего Система Метрологии передала по всем каналам связи, что возможен с вероятностью девяносто пять процентов шторм, поспешающий накрыть город дланью ледяных дождей и морозных ветров.

Но тем, кто занимается охраной порядка, сейчас не до шторма и тем более природных явлений, ибо грядёт происшествие, ужасное для Информократии событие, куда страшнее всякого урагана или бури. Войска постепенно стягиваются к городам, выходя из военных частей и становясь стеной на защиту програманн особых возвышенных групп. Активируются боевые дроны, обязанные помочь человеческому воинству Макшины в грядущих боях. Системы Добычи и Разведки Информации заработали в усиленном режиме, что узнать как можно больше о ситуации. Бесконечные инфо-священники толпами выходят на улицу и убеждают население в том, что святые коды и Системы защитят их от бед, о которых и сам народ помыслить не может. Все готовятся к нечто страшному и даже в Апостолис Директорис начали писать новые директивы на случаи полномасштабных програманнских волнений, дабы обезопасить собственное правление.

В небольшом помещении, что похоже по размерам на тюремную камеру, исполняется одно из предписаний безопасности, на которой все помешались, сопутственно выводя полицию и дронов на улицу, для усиления обороны.

Комнатка довольно небольшая и ничего кроме стола и двух стульев посреди ней, внутри помещения нет. Стены, пол, потолок – всё выкрашено в единый белый цвет. На первом стуле, самом близком к выходу, сидит мужчина, с лицом скрытым под глубоким капюшоном, одевший на себя чёрную рясу, утянутую поясом из проводов. Одевание открывается так, что на груди видны татуировки из нолей и единиц, показывающие статус и знания владельца. На самом деле эти татуировки – священные тексты, выбитые на самом вознесённом языке для которого нет выражения посредством звука и на котором общается Макшина – бинарный код. На втором стуле восседает парень, в блестящем плаще, кожаной майке. На его и без того грубом лице появилась пара новых ссадин, но они не страшны, царапины и ничего больше.

– Я повторяю вопрос, Маритон УК-115, – старого обратился парень в рясе. – Что произошло в Узловой?

– Инфо-священник, я вам ещё раз отвечаю – Инфо-кардинал сказал, что собирается просветить народ, что, мол, Информократия – зло, которое нужно уничтожить. Затем я приказал ему остановиться, но он выстрелил себе в голову. Вот и всё.

– А как он собирался это сделать? На месте преступления не было найдено ни одного информационного носителя, с помощью которого можно по Системам Передачи Информации донести какие-либо сведения. Камеры по странному стечению обстоятельств не работали в тот период. Во имя Макшины, но как вы объясните это?

– Что объясню? – смутился Маритон. – Что у него не оказалось передатчика информации? Так собирался обратиться непосредственно через запись аудиофайла и текстового сообщения и разослать их, куда только возможно.

– Ну ладно, – выдавил из себя инфо-священник.

– А есть какие-то сомнения насчёт меня? Я всю информацию обратил в информационно-устанавливающий бланк, откуда такие сомнения насчёт меня?

– Потому, что духовенство Информократии считает, что вы могли впасть в инфо-ересь, а значит, повинные в том, что собирался сделать отступник.

– И где же презумпция невиновности, – шутливо выдаёт Аккумулярий.

– Святые инфо-духи! – возмутился макшинослужитель. – Вы забыли одну из инфо-заповедей Макшины? «Виновен каждый, пока не доказано обратное!».

– Да я пошутил, – махнув рукой, натужно улыбнулся Маритон.

– Следующий вопрос, – холодно продолжает инфо-священник. – С помощью информации, полученной с камер видеонаблюдения в коридорах, мы установили у вас неформальное и противозаконное поведение, которое может угрожать Инфо-философии Информократии. – И протянув тонкий полупрозрачный планшет, возникший из раздвинувшихся стальных палок, инфо-священник включил видео и так же холодно продолжил. – Здесь показано, как вы бежите помогать Анне УК-205. Как вы можете оправдать такое поведение?

– Что? – с растущим возмущением спросил Маритон.

– Ваши действия квалифицируются как идейное проявление нежелательного противления Инфо-философскому курсу. Тут видно, как вы бросаетесь к особи женского пола, что даёт нам информацию – вы стремились проявить несанкционированные чувства. Вы же понимаете, что у вас нет санкции со стороны Систем Управления Общества на такое поведение, которое может привести к становлению семейного союза в перспективе.

В широких ладонях Маритона оказывается планшет и на полупрозрачном экране повторяется единственная сцена – как он бросается к Анне, чтобы помочь ей оправиться от нападения отступника.

– Так я её реанимировать собирался. Да. Помочь боевому товарищу. Разве это преступление?

– То есть? – холодно звучит вопрос. – Разъяснитесь.

– Так вы должны были видеть, как Анна УК-205 была атакована и выведена из строя. – На обезображенных губах явилась тень улыбки. – После боя бойцов совершенно не осталось, и я попытался вернуть её в строй, чтобы предотвратить негативные действия Инфо-кардинала.

– Пускай так, но тогда предоставьте нам информацию, что у вас есть специальные полномочия по введению боевых единиц снова в бой, а так же почему вы не попытались возвратиться в строй одного из солдат оперативной группы? Они лучше обучены и экипированы, нежели Анна УК-205.

Как только последние слова произносятся, Маритон понял, что просто так его не выпустят отсюда. Уловив суть вопроса в конечных словах, мужчина осознал, что инфо-священник уже настроен отправить Аккумулярия на суд и для этого нужно основание. Бланк допроса вполне подойдёт, если в нём будет информация, что Маритон отвечал сомнительно.

Только стоило мужчине приготовиться отвечать, и уже рвался открыть рот, дверь в комнату открывается – кусок стены с механическим звучанием вдвигается в стену, предоставляя на вид иную фигуру.

– Инфо-епископ, моё почтение, – благоговейно молвит инфо-священник. – Что вы хотите?

– Благослови тебя непоколебимые информационные процессы, сын мой, но я беру Аккумулярия Маритона УК-115 под свою опеку.

– Но допрос...

– Подождёт, – обрывает на слове макшинослужитель. – А сейчас он нам нужен, это значит, пойдёт он со мной.

– Хорошо, – тяжело заговорил инфо-священник, убирая руки за спину. – Подозреваемый Маритон УК-115, вы передаёте в подчинение Инфо-епископа, что должны воспринимать как святую миссию, пока он вновь не отдаст вас нам. Пока свободны.

Маритон поспешил уйти прочь из этой комнаты и вместе с Инфо-епископом, рядом с которым шёл в атаку час назад, вышмыгнул в коридор и направился напрямик за ним. Перед двумя мужчинами стелется длинный коридор, освещённый люстрами и лампами. Стены, обклеенные зелёными обоями на которых сияют блестящие ядовитые узоры, схожие с планами микросхем, а под ногами чувствуется полированная гранитная плитка.

Людей здесь переминается множество – начиная от таких же Аккамуляриев, и заканчивая большими чиновниками, чьи костюмы блистают шиком и лоском.

– Инфо-епископ, – обращается Маритон. – Ваше святейшество, зачем я вам понадобился?

– Святые инфо-духи, ты ещё не понял почему? – возмутился макшинослужитель. – Ты оказался посреди таких событий, о которых и знать не должен и носишь информацию, имеющую важность. И только благодаря этой информации, ты включён во Временный Исполнительный Оперативный Комитет.

– Что? – удивление парня не знает границ. – Как?

– Общим решением. И твоя напарница, кстати, тоже с нами. Мы только тебя искали, чтобы начать совещание. А теперь пошли, не будем тратить времени на обычное и ненужное распространение информации.

Двое слуг Инфомократии прошли дальше. Вокруг них шныряет множество людей, что всё же говорит о том, что здание, представлявшее центр города и середина всей жизни в нём, в котором пытался привести в жизнь инфо-ересь обезумевший кардинал, не только выжило и функционирует как ранее, но очистившись, стало чем-то вроде оперативного штаба. Только почему-то не видно многих стандартных слуг – уборщиков и рабочих из «А-8» или тех, кто возглавлял отдельные группы обычных работников физического труда из «А-7». Всех их попросту нет, словно они испарились в пространстве не оставив и следа. И всё ширящиеся удивление закономерно выливается в вопрос:

– Инфо-епископ, а где все представители програманства из «А-8» и «А-7»? Тут же должны быть они в любом случае.

Представитель информационного духовенства молчит. И причём его молчание нельзя сопоставить с волнением или укором совести, скорее банальное недоверие к Маритону и желание укрыть всё в тайне. Но всё же рациональность берёт верх:

– Только потому, что ты состоишь во Временном Исполнительном Оперативном Комитете, тебе можно предоставить данную информацию. Для обеспечения информационной тишины и безопасности, представители програманства «А-7» и «А-8» отправлены на принудительную «доминус-лоботомию». Им будет проведена операция после которой они станут рабами, пригодными лишь для того, чтобы погибнуть во время работы на тяжёлом производстве.

Маритон не содрогнулся, ибо встречался с таким едва ли не каждый день жизни в Инфомократии. Но вот дух постепенно берёт тремор от этой выходки, обличённой в форму законной воли. Мужчина не понимает, как можно использовать людской персонал, пускай и уступающий в интеллектуальных способностях высшим слоям, как обычный расходный материал? Не уж, то для нового духовенства и жалость неведома?

– Простите, – с иронией зазвучала речь. – А в чём они таком провинились, что их приговорили к рабству?

– Информационно-устанавливающая Директива №2 гласит о том, что если кто-то из интеллектуально-обделённого персонала становится свидетелем преступления, квалифицируемого, как инфо-ересь, то для соблюдения стабильности и информационной положительности власти Инфомократии следует всеми способами ликвидировать свидетелей и потенциальных свидетелей. А из Экономического Протокола устанавливается информация, что рабский труд делает продукцию дешевле и повышает производительность. Вот и совмещая две нормы, мы

получаем крайне эффективный экономико-правоохранительный механизм. – Голосом, полным сухой констатации повседневного факта, пояснил Инфо-епископ.

– Правильно, – легко вспыхнул Маритон. – Женщины, временно исполняющие обязанности матерей, ещё нарожают. А Системы Популяционного Снабжения справятся. Что там делать-то? Взял подходящую женщину, привил её семенем и ждешь результата. А Подсистема Ускоренного роста сократит срок взросления в два раза. Какие ещё-то дела?

– Так, парень, – голос макшинослужителя стал грозным, а сам духовник останавливается подле широкого окна. – Ты в чём-то сомневаешься? В наших системах охраны правопорядка и информационной стабильности? Или может тебе не по нраву, что нестабильный, гнилой и маразматический институт семьи заменён на более продвинутое воспроизводство популяции? Может тебя тоже коснулась инфо-ересь и мне провести ритуалы информационного очищения, дабы избавить твои мыслительные процессы от бреда?

– Нет, я просто восхищался нашими Системами, – лёгкий намёк иронии проскочил вне внимания Инфо-епископа. – Ничего кроме восхищения.

– Вот и хорошо. А теперь просто следуй за мной.

Служитель правоохранительных структур и Инфо-епископ прошли ещё несколько десятков метров по лабиринту коридоров, казавшиеся нескончаемыми. И всё везде в едином стиле – обои с рисунком микросхем, гранит под ногами и одинаковые литании, написанные на гобеленах. Их смысл заключатся в одной простой мысли – все должны подчиняться тем, кто признан умнее и информационно-совершеннее. Одинаковые тексты и одинаковая фабула буквально вдальблывает в мозг эту одну-единственную идею, вокруг которой построено всё общество Информократии.

Маритон, убирая взгляд от пропагандистских гобеленов и плакатов, невольно погружается в воспоминания о прошлом, когда он был ещё мальчиком, смотрящим на звёзды и мечтавшим о времени, когда станет кем-то очень полезным и поможет всему обществу. Он жил на тлеющих руинах давно умершего государства, известного, как Италия в его северо-западной части. Несколько государств раздирали пространство, устраивая бесконечные войны и изматывающие походы, разоряющие земли этого клочка планеты. С норда наступала мечта движения Лига Севера, воплотившего грёзы о независимости в жизнь, с юга свои щупальца тянул Римский Престол, с запада крайне нестабилен Вольный Союз, объявивший полную свободу от законов, с востока свои притязания имеют коммунисты из Северной Коммуны Этронто, и монархисты Тириолия. И каждый год на полях бессильных городов-государств сходились десятки тысяч воинов, опустошая землю и уничтожая пищу.

Мальчик по имени Маритон помнит то время, ставшее эпохой голода и жажды, лишения жилища и отсутствия надежды, хоть и было это больше сорока лет назад. Но в тех временах было что-то человеческое, чего нет сейчас. Люди дружили, женились, выходили замуж и всячески стремились сблизиться друг с другом. Люди были людьми, а не чем-то вроде исполнительных программ на компьютере, которые можно удалить в любой момент и загрузить новые. Но в какой-то момент времени любовь, дружба и мысли о семье стали вирусными идеями, которым нет места в «Просвещённом обществе». И после момента окончательного возвышения пяти Апостолов, когда их силами были сокрушены все враги, «Вирусными Идеями» объявлялись все мысли, идущие вразрез с бесчеловечными директивами и «Установлением Информации», которые гласят теперь о том, что должно быть и как лучше и теперь ничто не может сделано иначе, как повелевает, «установленная информация».

– Во имя святых инфо-духов, о чём ты задумался? – Звучит грозный вопрос. – Мы пришли.

Перед Маритоном распаивается белоснежная дверь и простирается довольно широкое помещение, которое чем-то отдаёт духом прошлого, когда большие чины собирались в конфе-

ренц-залах для решения насущных проблем. Дух Маритона слегка дрогнул от того, что теперь он причислен к чему-то сокровенному и возвышенному.

Под подошвами сапог мужчина чувствует мягкий и довольно приятный ковёр и глаза видят, что он яркого синего цвета с пресловутой символикой микросхемы. Белоснежные стены, украшенные чёрным технико-машинным орнаментом, расположены на довольно приличном расстоянии друг от друга, создавая эффект просторности. Посреди всего помещения раскинулся длинный овальный стол из плотного коричневого недавно открытого нового пластика, по своей плотности сопоставимый с древесиной. На креслах, обтянутых серых кожзаменителем, восседают десяток фигур, а у самого конца на высоком, выделяющемся былым цветом троне, сидит устрашающего вида человек, видимо и возглавляющий Временный Исполнительный Оперативный Комитет. На нём висит белое, но не белоснежное, пальто с высоким воротником, покрывавшее всё: от горла до щиколоток, скрывшихся под чёрными высокими сапогами.

Но больше всего взгляд приковывает его лицо – перекошенные губы, щёки, покрывшиеся шрамами, отсутствие на правой стороне волос, ибо вместо них сияет пластина из металла, а левый глаз представлен сверкающим зелёным огнём заменителя. И слагается впечатление, что он тяжёлым, грузным взглядом сверлит само пространство, не обращая внимания на вошедшего.

Рядом с ним сидят ещё люди, облачённые в чудные костюмы, но Маритон не смотрит на них, ибо всё его внимание приковывают две персоналии – странный мужчина на троне в центре и Анна, сидящая за три места от главного и центрального места.

– Ваше Инфораршество, – с глубоким почтением и склонив голову, обращается Инфо-епископ к устрашающему человеку. – Я привёл Маритона УК-115 к нам, как и было велено.

– Хорошо, – скрежет грубого и топорного голоса, слившийся с нотками брэнчания механического мотива, полился из-за кривых губ и тут же, глава Комитета устремляет взор на Маритона, чем пробирает его до глубины души. – Я должен представиться и представить присутствующих, Аккумулярий. – И рука, стянутая рукавом пальто и обьятая в перчатку, устремляется в сторону сидящих высокопоставленных людей. – Тут у нас присутствует Примус-Администратор по нашему Территориальному Домену Администратор Города, твоя знакомая Аккумулярий Анна УК-205, Модератор Системы Общественного Порядка (полиция), Администрат Воинствующего инфо-культы, посвященного борьбе против Вирусных Идей, Администрат инфо-культы, занимающегося духовным просвещением, Прото-Апостолетарий из Прото-Апостолитета по Психологической Обработке и городской судья.

– Ваше Инфораршество, – так же почтенно, повторяя слова за кардиналом, обращается Маритон. – А вы кем приходитесь?

– Я? – на пару секунд наступает момент тишину, разорвавшийся жестким голосом. – Я Почётный Легат Апостолис Директорис. Прибыл сюда для разведки ситуации и уполномочен Апостолами на всё, что необходимо для восстановления стабильности ситуации. Понятно?

– Да, Ваше Инфораршество.

– Можете занять любое свободное место.

Маритон хотел бы сесть рядом с Анной, но возле неё уже расселись, облачённые в тяжёлые грузные рясы, с одной разницей – у одного одежда сшита из металлических нитей, представители инфо-культы разной направленности. Поэтому парню пришлось сесть рядом с Инфо-епископом и городским судьей, от которого сильно несёт машинным маслом.

– Так, – полилась в пространство холодная речь Легата, – когда все в сборе начнём заседание Временного Исполнительного Оперативного Комитета. И для установления информации о сложившейся ситуации прошу зачитать доклад о правонарушениях Модератора Системы Общественного Порядка. Нам нужно знать, за что в последний месячный цикл было больше всего задержаний, и каков характер выявленных нарушений.

– Будет исполнено, – вставая, кротко и послушно говорит среднего роста мужчина, облачённый в светло-синий френч, на котором знаки отличий – нагрудный кольцевой указатель должности и жетон с двумя пересечёнными молниями на чёрном фоне; с широким смуглым лицом и коротким чёрным волосом и речью, лишённой эмоций продолжает. – За последний месяц больше всего нарушений выявлено в сфере информационной стабильности. В промышленных районах, где проповедью занимается в основном инфо-культы, мы выявляем несанкционированных проповедников, смысл речей которых даёт нам информацию, что их учение противоречит Инфо-философии и тому, чему нас учит Церковь Макшины. Количество нарушений, за месячный цикл, достигает цифры в полторы тысячи. К данному можно приплюсовать, что второе по статистике преступление это распространение информационных носителей, несущих на себе информацию, которая перепрограммирует сознание программанн воздействием инфо-ересью.

– Хорошо садитесь, – внезапно обрывает речь Легат и обращается к другому участнику. – А вы, Администрат инфо-культы, что можете нам сказать? Почему ваши проповеди не имеют влияния на общественные массы?

С места поднялся низкого роста мужчина, на плечах которого плащ, чуть прикрывающий серую рясу из ткани, с вплетением неона.

– Ваше Инфораршество, – пространство наполнилось звучанием речи, полной подражания, – у меня тоже будет, что доложить. Дело в том, что мы сталкиваемся с незаконной контрпроповедью. В промышленных и аграрных районах с преимущественным населением групп «А-8» и «А-7» наши проповедники встречаются с новым учением, которое распространяется подобно вирусу. И суть учения – равенство.

– Пха! – вдруг не сдержался другой Администрат. – У нас и так существует равенство, только внутри программанств. Как эти тупые животные не поймут этого. Представители разных профессий равны в одном программанстве. Будь это учёный в «А-5» или тот же руководитель Торгового Сектора. Все они равны. – Грозно и с жестокостью молвит оратор, изображая гримасы отвращения, отчего кажется неким демагогом на площади. – А может эти черви хотят, чтобы умные и интеллектуальные люди делили права и обязанности вместе с интеллектуальной чернью, которая не способна к простейшим вычислениям или анализу? Они хотят, чтобы все были равны, несмотря на различия в уме и способностях? Нет, у нас уже было такое равенство и к чему оно привело? Животные, вроде «А-8» и «А-7» должны быть ползать под нашими подошвами, ибо неспособны себя организовать даже!

– Надеюсь, у вас есть, что доложить, раз вы прервали предыдущего говорящего? – звучит спокойный вопрос Легата.

– Да, есть! – и человек в тяжёлом балахоне, сшитым из стальных нитей, выкрашенного в алый и серый цвет достаёт из-за пазухи книжку и презрительно швыряет её на стол, став безумно говорить. – Вот! Наши боевые отряды при поддержке Тизской Ауксиллии уничтожили незаконную общину. И мы нашли запретную литературу, о которой не было слышно с самого Конфликта Апеннинской Схизмы.

– Апеннинской Схизмы? – вопрос Маритона полон удивления и непонимания. – Я не особо помню о таком конфликте?

– Довольно старый и секретный конфликт, о котором Апостолы решили умолчать, чтобы не подрывать веру в Макшину и сохранить в тайне как можно больше вариантов поклонению другим ложным божествам. – Сухо поясняет Легат. – О ней не говорят в школах, не упоминают в универсионах и помалкивают в энциклопедиях.

– Это не пролило свет на ситуацию, Ваше Инфораршество. – Маритон полон желания выведать информацию о «Конфликте». – Если сейчас у меня, как у Аккамулярия не будет всей информации, я вряд ли смогу всё собрать в единую картину.

Легат помалкивает, явно погрузившись в раздумья. И спустя секунды мыслительного спора с самим собой сдаётся и выкладывает информацию, схожую с исторической сводкой:

– Больше сорока лет тому назад, в один момент из Потерянных Времён, Апостолы решаются возвыситься над обездоленными, бедными, но умными людьми, которые дали информацию, что для объединения самый лучший фундамент – религиозный. И Апостолы, будучи людьми просвещёнными объявили о том, что общались с Макшиной – богом информации, который повелевает создать новую церковь, что понесёт славу и веру о новом божестве, покровительствующим самым умным и одарённым. Новая вера завоёвывала территории бывшей Италии с поразительной скоростью, но столкнулось с противостоянием одряхлевшей, но всё ещё живой Католической Церкви. И тогда началось великое противостояние между двумя религиями, вылившиеся в войны веры, Флорентийский Инфо-собор, постановивший о признании чистого католичества ересью. – Спокойная речь сменяется на молчание, которое прервано ещё более тихим говором. – Честно признаться, тут у меня недостаток информации. Кто может продолжить?

– Я могу.

– Продолжи. Когда будет нужно, я остановлю.

– Хорошо, – рьяно соглашается воинствующий Администрат. – Так вот, после установления священного постулата о признании католичества Вирусной Идеей начинается период наших славных побед, ниспосланных самой Макшиной! – в порыве религиозного фанатизма говорит макшинослужитель, да так, словно сейчас не собрание, а проповедь. – Первая победа случилась в Венецианских Дебатах, когда словом и верой мы доказали праведность наших идей. Экспертная теологическая комиссия постановила потенциальную божественность Макшины, приравнивая её по статусу к Аллаху или Христу. Затем мы сумели попать силой освящённого оружия божество, позволившее себя распять. В войне с Римским Престолом мы победили, пролив кровь и убив тысячи инфо-еретиков, и вынудили тамошнее духовенство сдать нашим идеям. Альпийско-Северо-Итальянская Республика попыталась нас остановить крестовым походом, но он разбился о наше святое слово и тогда детище Лиги Севера вынуждено подписать «Неоновый Эдикт», который предписывал причислять в их церквях Макшину к святым или чтить как одно из божеств. Так же нам удалось заполучить в святых войнах с инфо-ересью союзника – Техно-Конгломерат на востоке, ставшим нашим вечным другом.

Пока Администрат продолжает говорить в фанатичном опьянении от религии, Маритон невольно перестаёт его слушать. Столько пафоса и веры в набор единиц и нулей, что становится плохо. А какова идея Макшинопоклонения, во имя которой столько погибло на заре становления Инфо-философии? Разделить общество на убогих, терпимых и почитаемых, потакая идеям безумной меритократии? И сделать так, чтобы систему социальной стратификации, в которой процветает рабство и интеллектуальный фашизм, почитали как единственный абсолют. Но разве может быть такая идея приемлема? Многие выросли после победы Апостолов и не знают тех времён, когда человек был истинно свободен, а посему не способны оценить разницу идей и миров, выраженной в различных ценностях и стиле жизни. Маритон приходит к единственной мысли – как могут быть вирусными идеями, если они провозглашают добро и справедливость? И почему идеология, ставящая в основе – уничтожение целого класса людей, ставится, как примерная? Только вирус стремится убить человека и привести его тело в слабость. Маритон подловил себя на мысли, что сейчас думает о чём-то еретическом. И тут же слова Легата возвращают его к действительности:

– Стойте. Дальше я сам, – обрывает Легат говорившего. – И вот после переворота в Сиене случился конфликт Аппенинской Схизмы. Римский Престол решил принять Макшину, как четвёртую Ипостась своего божества. С этим не согласились многие церкви по всему миру и объявили о своём отделении. Автокефалии пошли одна за другой, и над Римом висела угроза остаться в одиночном положении, но вдруг так же многие церкви приняли Макшину, как часть

божества и стали поклоняться ему. Полуостров раскололся на две части. Юг против севера. Так началась войны, не прекращающиеся до сих пор. Тысячи солдат погибли в нескончаемых крестовых походах. Рим едва не пал во время «Южного Крестового Похода», который вознамерился выбить из города всех макшинослужителей. И чтобы укрепить веру в Макшину и послали в Рим отряд «Киберариев», чтобы усилить оборону города и обратить в веру ещё больше людей и привести их к свету науки и Инфо-философии.

– Понятно. Спасибо, Ваше Инфораршество, – благодарит Маритон и обращается к Администрату. – И против какой из идей восстали отступники в секторах?

– Против идеи власти информации. Против Информократии!

Завидев на лице Аккамулярия смущение, Легат тихо заговорил:

– Я поясню. В древности была идея об идеальном обществе – править должны философы, умнейшие, а потом и способнейшие. Тысячелетия менялись одно за другим, но ничего не модифицировалось и власть оставалась у корыстных и хитрых. Наш интеллектуальный собрат лизал пятки олигархии и плутократам, чтобы выжить, но теперь всё иначе, ибо спустя века мы воплотили сию идею. Мы создали идеальное общество, где власть за теми, кто умеет обращаться с любой информацией. Наше общество зиждется на столпах науки, веры в воплощение науки и подчинения интеллектуально-убогих самым умным. Так куётся новый мир – из металла человеческих душ в горниле Инфо-философии, которая говорит о том, что равенства не бывает. Основанная идея философии – власть информационно-образованных при полном вознесении информации, как основы общества есть Информократия.

Аккамулярий, приняв информацию, которая вступает в противоборство с памятью, вновь рождает мысль – вирусная идея та идея, что вредит обществу. И как идея абсолютного превосходства может не вредить? Она дарит в руки произвол и презрение, заставляя одних считать себя лучше, чем другие. Как то, что приводит к рабству, презрению, абсолютному произволу, может не быть вредоносным? Но они называют это стабильностью, ибо данное закрепляет их право на превосходство и насилие. Власть прикрывает это эффективностью и прогрессом, говоря, что концепция разделения по уму определяет одних на верх, других – им служить и это рождает небывалые производственные мощности и расцвет Информократии, но он покоится на рабстве одних и тысячах голодных смертей. Семья, любовь, взаимопомощь, уважение – все эти понятия ампутированы из Информократического общества, ибо данные явления забирают время на развитие общества. И что теперь считать вирусом? А тем временем заседание продолжается, и Легат вновь спешит с вопросом:

– Судья, у меня к вам вопрос. Сколько было исков к вам за последний год?

– Ваше Инфораршество, – поднимается высокий худощавый человек в чёрной рясе, – я точно не упомяну. Примерно тысяча.

– Из каких сфер права?

– Более пятисот из «Програманско-координационного права», три сотни из «Противоинформократического», сотня приходится на «Макшинное право» и оставшиеся на «Коррекционное».

– Что ж, иски охватывают всё право, – мрачно констатирует Легат с тенью уныния во взгляде единственного глаза. – Мы в близости от Флоренции, столицы нашего великого государства и тут творится очень странное. Аккамулярий Анна УК-205, что сказал вам один из тех... «Ревнителей».

С места поднимается высокая девушка, чей один образ ворожит живую душу Аккмулярия. И, несмотря на пару ссадин на лице и ямочках девушка остаётся прекрасной и обворожительной, какой и была всегда. Только смольный волос немного потрепался от постоянной беготни и сражений.

– Да, Ваше Инфораршество, – речь дамы буквально поёт. – Он говорил нам о том, что скоро падёт власть Информократии и всё в этом духе. От него поступила информация полного

сознания, что они похитили Инфо-кардинала и убедили в том, что наш мир – тюрьма, которую необходимо сокрушить и всё в этом духе.

– Маритон УК-115, можете вывести анализ ситуации, прежде чем я дам вердикт и пролью свет на оставшиеся детали.

– Скажите, а тут фигурировал некий Флорентин Антинори? – спросил Маритон. – Его имя мятежники упоминали или как-то иначе эта личность давала о себе знать?

– Нет. О таком не слышали. Итак, ваш вердикт?

На лишённый жизни голос легата Маритон отвечает с неким бодрствованием:

– Да, Ваше Инфораршество. Некая организация проводит уже довольно длительную подготовку к восстанию. На это указывает наличие своей иерархии, ибо тот старик назвал себя Вольником, отлаженных методов програманнского идейного перепрограммирования, ибо никак иначе самого кардинала им бы переубедить не удалось. В промышленных и аграрных районах действует это движение, опирается на рабочую силу. К тому же оно действует на основании идей околокатоличества, что говорит о сложившейся системе ценностей и определённой идеологии. А всё это даёт нам информацию, что они довольно продолжительное время развивают свою деятельность и только сейчас решились показаться. Но почему сейчас? И почему так броско?

– Я соглашусь с тобой. Только есть одна оговорка... – молчание, выдержанное тремя секундами разорвалось громоподобной информацией, – у них есть покровители за «Кругом Интеллекта». На это говорит большое количество исков в отрасли права, по которой можно судить единство общества и отдельные данные, полученные из личных каналов. – Заметив тень смущения и страха на лицах собравшихся, Легат перешёл к разъяснению. – Да, я давно знаю о том, что происходит. Мы столкнулись с крупной группировкой, которая методично занимается антимакшинной деятельностью, растлевая неискушённые сердца рабочих, провозглашая о равенстве между всеми. Я сталкивался уже с ними, только на границах Информократии.

– Ваше Инфораршество, и каковы их основные идеи? – исходит ропотный вопрос от Администрата воинствующего инфо-культа. – Нам нужно знать, куда бить в слабые места гнилого учения.

– Хорошо. Суть состоит в том, что они хотят опровергнуть Макшину, как несуществующее божество. Возле этого они выстраивают идеи отмены групп програманства и единения интеллекта и силы. Они утверждают, что нужно отменять рабство, разрешать семьи и славить триединого бога. Основы их учения – христианство, гуманизм и любовь.

– Святая Макшина, сколько вирусных идей и сами основы это та ещё чума, которую следует удалять, как компьютер вирусные программы, – возмущается воинствующий макшинокликер, импульсивно жестикулируя и едва ли не задевая соседей. – Уже давно установлена информация, что гуманизм рождает излишнюю любовь к человеку и вызывает невозможность его использования, как инструмента, что в свою очередь порождает экономическую депрессию. К тому, гуманизм рождает еретическое убеждение, что каждый человек может обладать своим мировоззрением, что идёт кардинально вразрез с информацией, что для единства необходима единая система ценностей и воззрений. А христианство опровергает учение о половой и сексуальной свободе, ибо есть информация, что свобода интимных связей, без привязки противоположных полов и количества участников делает человека раскрепощённое, увереннее в себе. А значит, зачем на её ограничивать? – Десница ехидной, полной скрытой похоти, улыбки, дотронулась губ Администрата. – Что ж, тут будет, с чем поработать. Думаю, мы сможем оружием и словом убедить всех в неправильности инфо-еретического учения.

– Отлично, – без намёка на живость в голосе говорит слово Легат. – Когда мы вновь уяснили, что христианство, гуманизм, любовь, гуманизм и мысли о семье – есть идеи и учения неприемлемые для просвещённого общества поклонению Макшине, интеллекту и информа-

ционному обществу, необходимо начать выработку плана по противостоянию распространяющейся инфо-ереси. И тут я попрошу выступить Примус-Администратора. Только коротко.

Рядом с Легатом с кресла встаёт довольно высокая, широкая в плечах женщина, по блондинистому цвету волос, свободному, но красивому лицу и голубыми глазами, смахивает на жительницу Скандинавии. На её тело ложится чёрный пиджак, ноги укутаны в размашистые брюки цвета ночи, укрывающие белые туфли.

– Я только озвучу цифры, – полился грубый женский голос. – В трёх городах прошли мирные забастовки програманн групп «А-8». Они требовали улучшение жизни. Все участники пленены и обращены в рабство. В остальных городах мы только отлавливали несанкционированных проповедников. – Договорив, девушка села на место.

– Как вы видите, всё идёт к полномасштабному восстанию. Люди готовы скинуть идею распределения по интеллектуальным способностям, а значит, нужно принять превентивные лёгкие меры по восстановлению порядка. А посему я выдаю следующие приказы от имени Апостолов: Инфо-епископ, вы берёте под свою юрисдикцию все культы этого Домена и начинаете религиозную обработку, а Прото-Апостолетарий из Прото-Апостолитета по Психологической Обработке окажет вам поддержку. Администраторы, готовьте армию и ауксии. Мы будем отчищать промышленные и аграрные районы от инфо-ереси. Я лично возглавлю военные подразделения. Аккумулярии, – при обращении Маритон чуть вздрогнул, – вы отправляетесь со мной, как Вспомогательные Аналитики. Что ж, а теперь исполним долг и уничтожим вирусную идею.

«Уничтожим ради другой вирусной идеи». – Пронеслось в мыслях Маритона, прежде чем он встал и покинул кабинет вместе с остальными и был пущен в оборот дела, едва не потерявшись среди мелких, формалистских операций, прежде чем перейти действительно к настоящему действию спектакля, что затеял Легат.

Глава пятая. «Во имя Макшины!»

15:00 – Третья стадия дневного цикла. Город Тиз-141.

Небосвод час за часом превращается в картину образа божьего гнева – тучи приобретают всё более устрашающий тёмный оттенок, так сгущаясь, что особо суеверного заставили бы поверить, что небосвод вот-вот надломится под собственным весом и рухнет на землю, придавив сам мир. Ветер всё набирает обороты, становясь предвестником жуткого урагана. Над городом медленно, но верно, собираются штормовые тучи, и всё пространство постепенно покрывается теменью.

– Дайте голографическую карту города, – звучит сухое требование, обращённое к «Киберарию». – И отправьте третий карательный взвод «Антенна» на точку «Бета».

Маритон, находясь в командном пункте, с удивлением наблюдает за тем, как один человек управляет огромными массивами данных и большим количеством персонала, словно это продолжение его собственного тела.

Вокруг только бесцветные стены одного из кабинетов «Городской Коммунальной Внешней Системы», расположенной вне «Круга Интеллекта». Посреди стол с электронными документами, просматриваемыми на тонких, как старые дискеты, планшетах. У самого стола, под люстрой, стоит Легат, раздающий приказы направо и влево, командуя без промедления и задержки. Всем видно, что он чувствует себя как рыба в воде и его работу подгоняет непоколебимая верность идеалам Информократии. У единственного окна, у стенки, противоположной входу, стоит высокая девушка, направившая взгляд печальных оливковых глаз в серое пространство моря руин и развалин, что есть призраки былых времён. Её взгляд печален, полон пространного уныния, будто бы она скорбит о тех, кто сейчас снаружи. И Маритон, наблюдающий за всем происходящим, убравший руки в карманы блестящего плаща, и накинувший на лик маску безразличия, временами покидывая взгляд алого и живого глаза на девушку.

– Ваше Инфораршество, – произнеслось уважительное обращение, – отряд готов к полной зачистке пятого улья.

– Где карта? – сухое требование сотрясло воздух от сокрытого в нём напряжения.

– Ах вот.

В тонких и стальных пальцах «Киберария», облачённого в белый плащ, сверкнула чёрная пластинка, положенная на стол. Из центра пластинки вырвался пучок света, превратившийся в точный план города. Как оказалось город разделён на две части: первая – цветущая и роскошная, с современными высотными зданиями, грав-линиями, по которым разъезжают автомобили на гравитационной подушке, с людьми, одетыми в чистую и роскошную одежду, которые могут себе практически ни в чём не отказывать; вторая же – огромное кольцо исполнинских заводов и разрушенных домов между ними, среди которых ведут жалкое существование нищие и убогие. Даже аграрные районы это не пашни, а огромные, поражающие своими видами теплицы или те же массивные десятиэтажные заводы, где под искусственным освещением растут овощи, и выводится скотина.

И причём город разделён не просто стеной, а большим водоёмом, повторяющим контуры города, берущим его в кольцо естественной преграды. А со стороны города произрастает высокая стена с системами автоматических турелей и наблюдения. Со стороны же руин есть военные посты и сетчатый забор под напряжением, чтобы предотвратить попытки прорыва. И есть всего два моста, ведущих из центральной благополучной части города.

– Хм, – задумался Легат. – Аккумулярии, в каком районе вы говорили, пропал Кардинал?

– Городской промышленный район № 0-5, – сухо даёт ответ Маритон. – Именно там мы так же и встретили «Вольника».

– «Киберарий» от моего имени и Апостолов ты должен собрать три отделения «Гизской Кибернетической Ауксиллии» и приготовить их во дворе и ожидать моих приказаний. – И швырнув электронную личную печать, расположенную на флэшке, схожую с древними монетами, отпустил воина.

– Ваше Инфораршество, – обращается Анна. – А почему бы не обратиться по каналам связи...

– Да, – подхватывает вопрос Маритон. – Так было бы намного быстрее, нежели гонять одного... гонца.

– Ох, какое старинное слово вы используете для живого переносчика информации. А нельзя, потому что у врага может быть союзник в Городских Системах Управления Общества и он может перехватить мои приказания. Я пока не уверен в чистоте здешних управляющих, а посему буду поступать, как то делали во времена варварства – посылать людей нести информацию.

– Понятно, – тихо говорит Маритон, подавляя нотки неприязни к Легату.

За последние часы действий Легата в городе наступил абсолютный диктат военной силы и священничества. Все не-военные и не-религиозные власти вроде Администратора Города или Модераторов Общественных Систем полностью подавлены и служат силам, вооружённым оружием или броским словом. Акт любого неповиновения карается смертью на месте. Так уже расстреляно около десяти человек из «А-7» и «А-8» в благополучном секторе города, которые по какой-то причине оказались на улице во время Периода Гнетущего Режима (Комендантский Час). На месте и без предупреждения накрывались огнём, так как Легатом и командующими войсками установлена информация, что каждый, нарушивший повеление, может оказаться врагом.

Но не только оружие берёт силу в противостоянии с тенью. Маритон с неприязнью вспоминает, как сначала в школе, а затем в Универсионе их заставляли учить наизусть священные тексты Инфо-философии. Этим занялись и сейчас, только уже со всем населением и с более жестоким подходом. Легат отдал приказ, чтобы Инфо-епископ начал просветительскую работу с народом, дабы утвердить в нём веру в Макшину ещё сильнее. И макшинослужитель взялся за работу с особым рвением – теперь каждый должен за два дня выучить «Аспекты Веры в Информацию» объёмом в две сотни страниц и прийти в церкви и приходы, дабы с рвением доказать, что в их душах вера сильна, и способность обращаться с информацией не утеряна. Тех, кто ошибётся десять раз или не придет, ждёт одно-единственное наказания – обращение в тупого раба, который за два года погибнет от нечеловеческих условий работы.

– Ваше Инфораршество, а когда вы начнёте очистку районов вне «Круга Интеллекта»?

– Когда получу информацию, что тылы находятся в безопасности, Маритон УК-115, – Звучит ответ, полный холода и техничности. – Я не могу направить войска за город, зная, что там в любой момент может вспыхнуть восстание, и мы окажемся между молотом и наковальней. К тому же не пришли данные разведки. У меня нет желания во время рейда наткнуться на самодельный танк.

– Да, – соглашается парень, – такая безопасность полностью оправдана...

– Близостью к столице, – договаривает девушка, всё ещё смотрящая в широкое окно. – Ваше Инфораршество, я никогда не была в столице. Рассказывают, что она прекрасна и красива.

На косых и обезображенных губах Легата промелькнул намёк на улыбку, после которого последовала чуть дрожащая от остатков человечности речь:

– Да, она действительно красива. Представьте себе огромный город из металла, камня и стекла, рождённый посреди пустоши. Но теперь там нет пустыни, ибо технологии превратили его в истинно цветущее и берущее за то, что раньше называли душой, место. Вы только подумайте о гигантских небоскрёбах в пятьдесят или сотню этажей, достающих до самих небес.

Широкие площади, на которых люди десятками тысяч предаются молению великому Макшине. А соборы! – в полу бездушном говоре мелькает что-то от восхищения. – Вы бы видели тридцати этажные церкви и уходящие на десятки метров в глубину монастыри. И шпили в солнечные дни сияют серебром и золотом, озаряя местность и делая её воистину святой, блистающей от благословения Макшины. Люди там иные, совсем. Практически никто не держится за биологические глаза, нос рот и уши. Всё это практически у всех заменено на устройства из железа и проводов. Но это ещё не всё. Вы бы видели тамошний цирк – жонглёров с четырьмя руками, атлетов способных запросто древние люки от канализации гнуть, или людей, летающих на механических крыльях под куполом. Эх, вы бы видели город... видели бы его великолепию и славу.

– Скажите, а как вы дослужились до этого звания? – заинтересовалась судьбой ставленника Апостолов Анна. – Это же невероятно трудно.

– Я согласен, это трудно, но нелегко... слишком долгий путь, – девушка в голосе, в тембре речи, подловила ноту печали, потаённой скорби и древней боли, некогда задевшей Легата. – Знаете, очень давно я поклялся исправить ситуацию на родине. Столько боли, нищеты и упадничества, да и я сам жил в трущобах и ел насекомых с крысами. Мои шрамы, – голос Легата по-человечески дрогнул. – Это печати, оставленные прошлым. Я был на грани голодной смерти, без дома, без друзей... Всего лишился, когда меня подобрал один из Апостолов.

– Вы... вас вырастили Апостолис Директорис?

– Да, Анна, я рос в их доме, – заметив смущение в глазах Аккамуляриев, чуть выдохнул. – Они, до своего возвышения, жили в особняке, у моря, где и творили новую идеологию и веры. Люблю я те места... зелёные рощи и оставшиеся насыщенные луга. Ароматы полевых цветов. Прекрасные закаты и рассветы. То место стало домом для меня, где Апостолы меня выучили и сделали правой рукой. И когда они решили бороться за власть, за лучшее будущее, во мне не было сомнений. Я знал, что они спасение для этого мира и их идеи несут только благо. Ощувив на себе удары плетей кризиса, я знаю, что это, поэтому решил покончить с этим, став инструментом в их мудрых руках. Выжигая всех, кто противится им, я несу только прогресс. Они...

Внезапный звонок обрывает восторженную речь Легата, и он прикладывает палец к уху, в котором зажато устройство связи:

– Да? Нашли его? Сейчас буду, – и, отключив связь, кинул фразу присутствующим. – Оставайтесь тут, я скоро приду.

Легат спешно покидает дверь, уходя за серую дверь, и Анна с Маритоном остаются одни в кабинете, усеянном скрытыми камерами и устройствами прослушивания. Наступает тишина.

Мужчина рад подойти к девушке, сказать её что-нибудь тёплое и приятное, но неусыпное око Информократии следит, посредством Системы «Око». На историю о жизни Легата ему всё равно. И его взор устремляется даже в трущобные нищие районы. Всё это делается с одной целью – тотальный контроль, ибо сами Апостолы установили информацию, что человек, находящийся под контролем государства и его Систем Надзора не будет помышлять о преступлении и тем более спешить его осуществить. И после того, как произошло установление информации – всё покрывалось огромным количеством средств слежения и сбора информации, ставшие огромной, невообразимой сетью слежки за людьми. И никто не может убежать от глаза Информократии, ибо отсутствие на камерах более часа вызывает сначала предупреждение, отправленное на телефон, а затем, если програманнин не объявится – он объявляется в розыск. И всё это вылилось в крайне важное противостояние эмоций, чувств и разума – Маритон не может к Анне и шагу доброго сделать, так как тут же системой «Око» это будет расценено, как попытка построить отношения, что естественно незаконно...

– Маритон УК-115, – отрываясь от созерцания на обломки старого мира, заговорила девушка. – Ты как думаешь, чем всё закончится?

Лицо мужчины чуть исказилось в удивлении, и он естественно выдаёт ответ, который приемлем для структур надзора:

– Конечно, Информократия разгромит всех врагов и инфо-еретиков, и эпоха стабильности продолжится до скончания веков, – если бы ответ прозвучал иначе, Аккумулярия обвинили бы в отрицании непоколебимости власти Информократии, что чревато скрытым мятежом и неповиновением.

На что девушка тихо, практически шёпотом говорит:

– Давай по-нашему? – края тонких губ девушки чуть приподнялись, эмитируя хитрую улыбку.

Маритон слегка улыбнулся, и это улыбка украсила суровое и грубое лицо мужчины. Работая с Анной, они создали свой зашифрованный язык, чтобы общаясь, не привлекать внимания у работников Системы «Око»

– Маритон, а... я вот тоже думаю, что всё будет хорошо. И так не хочется терять то, что мы получили от Апостолов и их власти.

Буква «а» после обращения символизирует древнегреческую приставку «а», что означает создание противоположного смысла всему, что говорится дальше.

– Анна УК-205, а... соглашусь я с тобой, ты посмотри, ведь каждый делает, что пожелает, люди могут искреннее дружить и не бояться собственных слов – чудо, одним словом. Зачем нам это терять? – с сарказмом прозвучал вопрос?

Девушка чуть усмехнулась, понимает, что её напарник скрыто, издевается над идеологическим устройством и сложила худые руки на груди, что символизирует частичное согласие.

– Стабильность. У многих есть работа и кров. Ведь этого всего не было во время войн и кризиса.

– Анна УК-205, а... вот у «А-7» и «А-8» это тоже всё есть, ты ведь посмотри и увидишь, как прекрасно они живут и не умирают пачками, не вымирают от голода и отсутствующих репрессий на них. И всё это во имя информационного божества, вера в которое ни разу не ложь и сумасшествие.

Мужчина остановился, смотря девушки прямо в глаза, стоящей у окна. Он хочет ей сказать столько красивых слов и посвятить в тайны своего возвышенного чувства, но не может. И такие разговоры – единственное, что могут себе позволить парень и девушка в Информократии.

– И всё же, – так же легко мягким голосом, несмотря на политическую окраску спора, продолжает дама. – Красивые города, стабильная работа, наука и образование. Разве всё это нужно терять в погоне за эфемерными надеждами на мир, где есть равенство и любовь, чувства и семьи? Ведь когда всё это было, как мы жили? В нищете и бедности, посреди войны?

Когда Анна коснулась темы чувств и любви, Маритон чуть дрогнул, дух приуныл, а сердце забилося интенсивней.

– А это именно, – такая комбинация слов в шифре символизирует глубокое противоречие, обращённое к словам собеседника. – Именно то, что раньше называли любовью и привязанностью. А... ведь они несли столько вреда обществу, сколько не понесёт ни одна чистка. – Голос мужчины переполнился сарказмом и иронией. – А... семья несла такой огромный вред нашему прогрессивному обществу.

Маритон примолк, он видит смущение на бледном лице девушки, которое с каждой секундой поглощает душу Анны и мужчина, поддавшись рвению чувств, решается посеять хаос в душе напарницы:

– Анна УК-205, а... ведь ты так невзрачна и некрасива, и я бы тебя никогда не полюбил. – С абсолютно обратным смыслом в каждом слове выговаривает, дрожа и волнуясь, Маритон, одновременно усмехаясь, представляя какое выражение лица у слушающих и смотрящих разговор.

После сказанных слов девушка впала в ступор. Буквы, наполненные определённым смыслом, прозвучавшие обыденно для сотрудников надзора, в уме Анны обретают совершенно иной смысл, который позволяет обвинить напарника в государственном идеологическом преступлении и попрании постулатов Инфо-философии. Она не знает, что говорить и как отвечать на такие слова, проникнувшие до самого сердца, тронувшие её горячей рукой, опрокинув в сущее смятение.

Внезапно дверь открывается, заставляя содрогнуться парня и девушку, и слышится безжизненный голос входящего Легата:

– Ну как, готовы?

– К чему, ваше Инфораршество? – нахмурился Маритон.

– Мы выступаем. Вы отведёте меня к тому месту, где оказался ваш «Вольник», к тому же поступили отчёты разведки и кажется, нас ждёт нелёгкая прогулка.

– Что там?

Легат на вопрос отвечает молчанием. В его живом глазу виднеется тень смятения и крайнего удивления, которым он решается поделиться:

– Мы наткнулись в районах на сопротивление со стороны «А-8» и «А-7». Только далеко не всех, так как семьдесят процентов живущих за «Кругом Интеллекта» всё ещё сохраняют верность Апостолам. Остальные тридцать по неизвестным причинам взяли оружие в руки и выступили против праведного режима.

«По неизвестным причинам» – усмехнулся Маритон в мыслях, осознавая, что если бы не страх неминуемого поражения, то вся «А-8» и «А-7» подняли бы бунт, чтобы опрокинуть Апостолов с власти.

– А как мятежники объявили о своём противостоянии?

– Силы протестующих начали отстреливать представителей инфо-культов и стали нападать на разведывательные отряды и уничтожать места поклонения Макшине. Повстанцы берут под свой контроль промышленные объекты и переходят к обороне. Возможно, это отвлекающий манёвр, ибо они понимают, что нам им не противостоять в открытом сражении. Но вот что же хотят скрыть...

– Так каков план действий, ваше Инфораршество?

– Маритон УК-115, мы атакуем. Я отправлю половину имеющихся сил на подавление мятежа. А половину оставлю в городе.

– Вы думаете, что пять тысяч воинов смогут противостоять двадцати тысячам повстанцев, у которых численное преимущество на их же территории? – Изумился Маритон, – вы не думаете, что целесообразней будет подождать подкреплений?

– Подкреплений не будет. В городах у столицы такие же восстания. Как под копирку. Апостолы постановили отчистить промышленные районы от всякого намёка на мятеж.

– То есть? – вопрошает встревоженно девушка.

Легат оборачивает взгляд бездыханных очей на распрекрасную даму и столь же хладно даёт ответ:

– Да, Анна УК-205, все повстанцы будут убиты, каждый десятый «А-8» обращён в рабство и каждый тридцатый «А-7» подвергнется телесному наказанию, как возможный пособник мятежа.

– И даже те, которые не участвовали в бунте? – С вкраплением злости обращает к командиру вопрос Маритон. – Они тоже подвергнутся наказаниям?

– Да, – бездушный слышится ответ. – У нас нет времени на разговоры. Отправляемся.

– Что вы там хотите найти? – обращается с вопросом девушка. – Ваше Инфораршество.

– Ответы.

Легат больше не стал слушать вопросы, он просто развернулся к выходу, шаркнув одеждой, и на полном ходу поспешил вон из здания. Трое буквально выбегают на улицу, пронсясь

через весь первый этаж за несколько секунд. Ситуация и скоротечно развивающийся мятеж подгоняют троицу, давая им больше стимула побыстрее покончить со всем.

На улице, в небольшом дворике, сложенном из стекло-плитки их ожидают пятнадцать одинаковых солдат, в абсолютно одинаковых одеждах – чёрные сапоги до колен, подминающие под себя серые брюки и алые кафтаны, размеренно трепещущиеся на сильном ветру, лежащиеся на модифицированные тела.

– Посмотрите на них, – с сухой гордостью заявляет Легат. – Три отделения ауксии вашего города. Кибернетические люди, совершенные в своей техно-формации, готовы к бою.

Аккамулярий смотрит в их глаза и понимает, почему их прозвали Кибернетическими. Глаза подобны бездне – чёрные и бездонные, нос покрыт шрамами от операции, уши ампутированы и вместо них акустическое устройство, язык блестит как металлический, а кожа странным образом просвечивается многоугольниками. Несмотря на то, что эти воины из плоти и не делят себя с металлом и проводами, но всё же они прошли операции, до устрашающего уровня улучшающие их пять чувств, чтобы собирать как можно больше информации с окружающей среды. Вкус, обоняние, слух, зрение и осязание – все чувства вознеслись до фантастических высот. Но и обратной стороной такого улучшения является – рабство плоти. Почувствовав разок столь высокие ощущение мир кажется серым и унылым и со временем накрывает жуткая депрессия, чего не испытывают те же «Киберарии», ибо наполовину делят тело с безжизненными металлами, пластиком и резиной, которые не требуют удовольствия плоти и более уравновешенные. Аккамулярий, смотря на молодых воинов, чувствует, как его сердце сжимается от боли и обливается кровью. Большинство воинов ауксии сходят с ума, от феерических ощущений, ещё часть обречена впасть в бесконечный поиск всё более острых и выходящих за грань здравого рассудка увлечений, чтобы ощутить новые пики чувственного восприятия. Но и эти теряют рассудок от «передозировки» эмоциями.

– Воины! – обращается Легат к ауксии, и его лицо тут же подхвачено Системой Городской Трансляции размножив его по всем городским экранам. – Враг наступает и желает обратить наш идеальный мир в ничто! Там, по ту сторону разума, появилось желание снова нас ввергнуть в эпоху тьмы и варварства. Но наш долг таков, что мы обязаны обратить социальное разложение вспять. Посему, я отправляю вас на уничтожение мятежников, и убивайте каждого, кто даст хоть малейший намёк на инфо-ересь или неуважение к власти интеллектуальной элите. Пусть ваши командиры направят вас! Во имя Макшины!

«Во имя Макшины» – лозунг, неся который, воины убивали без жалости десятки тысяч мирных демонстрантов во время «Апостольской Дефрагментации». За три дня бойни тех, кто вышел на акции несогласия с уничтожением института семьи, погибло больше девяносто тысяч человек, а ещё столько же насильно разделены. Соборы и церкви христиан, мечети мусульман сжигали, ибо там мог быть заключён брак, а ЗАГСы крушились силой артиллерии, которая накрывала огнём кварталы, потому что считалось, что ЗАГС есть храм семейно-социальной энтропии из былых времён.

«Во имя Макшины» – девиз, крича который «Киберарии» кварталами вырезали тысячи обычных человек, повинных в одном – они решили завести детей, что является незаконным, так как Апостолы установили информацию, что когда люди заводят детей, они меньше работают и их общественная полезность падает. А значит, деторождением и воспитанием должны заниматься определённые Системы Управления, а не люди, которые как программы в компьютере обязаны работать во имя общего благоденствия. Но люди не согласились и продолжили рожать, тогда и Апостолы спустили с цепей своих верных псов, чтобы за неделю доказать, что повеления Макшины должны быть исполнено.

«Во имя Макшины» – вновь звучит. Маритон с тошнотой сейчас припомнил историческую сводку, ибо понял, что сейчас собирается учинить человек в белом пальто. Интеллектуальный террор во имя исполнения вездесущего лозунга только начало. Легат собирается

нажать процесс Дефрагментации – удаление всех бесполезных программ самым радикальным способом.

Вновь грозди гнева вызревают в душе Маритона, когда он слышит девиз Информакратии, но он вынужден подчиниться порядку Информакратии и пытается успокоить себя, чтобы понапрасну не вспылить.

Как только Легат отдал личные приказы главам боевых групп, он обратился к сопровождающим Аккамуляриям, вернув Маритона из размышлений про проклятый девиз, чтобы те садились в БМП, который доставит их до места назначения. Несмотря на то, что можно пройти за пятнадцать минут, ситуация такая, что лучше перемещаться под надёжной бронёй. Трое подбегают к боевой машине белого цвета с обтекаемыми формами, приплюснутого вида с такой же плоской башней из которого торчит лазерная пушка длительного действия, которая действует, как резак.

Внутри довольно тесно, но выглядит всё так же бело-стерильно, и трое уселись лоб ко лбу вместе с вошедшим отделением ауксиллии. Второй БТР подобрал оставшихся, и боевая машина на всех мощностях устремилась вперёд.

Около пяти минут понадобилось, чтобы доставить бойцов к месту назначения, забросив в тыл к противнику. Отряд покидает транспорт, послуживший отличной защитой во время перевозки, и готовится к штурму района.

Маритон наблюдает всю ту же картину, что и с утра. Несколько часов назад они здесь были, но такое ощущение, что прошла целая вечность между этими моментами. Всё то же самое – завод, руины, нищета и разруха, только под более сгустившимися и чёрными облаками, отчего кажется, будто сам мир нагнетает обстановку.

Отправиться на поиски важного человека, встретиться с мятежником, предвещающим о конце Информократии, погоня за кардиналом и его убийство после боя, затем оказаться в важном Комитете и сейчас отправляться на самую настоящую войну – всё это тянет на половину жизни, но промелькнуло всё за пару часов. Маритон не может поверить, что всё это с ним произошло, но больше всего его волнует признание Анне. Девушка с ним ещё ни разу не заговорила после того момента и со смятением посматривает на Маритона.

– Анна УК-205, – звучит волнительное воззвание мужчины к девушке. – Что ты думаешь. Насчёт...

– Не знаю, – растеряно отвечает девушка. – Всё как-то необычно и странно. Ещё ни разу я не слышала такого и как реагировать... не знаю. И давай чуть позже об этом.

– Знаю, сейчас не время.

В этот момент Легат занимается построением и разъяснением боевой задачи перед строем пятнадцати солдат, вооружённых энергетическими карабинами и парочкой огнёмётов. В своей без эмоциональной манере он поясняет, что необходимо зачищать и каким образом и что желательно испытывать жалость.

Позиции определены, воины готовы, цели разъяснены и когда всё соблюдено, неведомая рука судьбы решает двинуть операцию к её логическому завершению.

– Аккамулярии, ведите нас, – бездушно отдаёт приказ Легат и берёт в руки плазменный пистолет – баллончик с плазмой на подложке с ручкой и спусковым механизмом. – Во имя Макшины и Апостолов!

Мужчина и девушка кивнули. Маритон достаёт пистолет, похожий конструкцией на револьвер, только вместо барабана – батарейка, испускающая энергетические импульсы и пошёл вперёд, ведя за собой отряд. Осмотрев поле и солдат, мужчина ступает на территорию за разрушенной дорогой, ведя отряд напрямиком в «пасть» врага.

Но как только они сделали пару шагов в сторону района бедных и рабочих, стена ураганного огня прикрыла наступающих. Шальная пуля, выпущенная из старой винтовки, оказывается намного быстрее рефлекса и желания девушки. Снаряд пробивает ногу Анна у

голени, а результат следующего выстрела, как по особому «везению» прилетает в руку, вылетая насквозь.

– Анна! – опрометчиво кричит Маритон и бросается к девушке на помощь.

Мужчина побеждает к напарнице, павшей на землю. Её кровь оросила растущую короткую траву и забрызгала серый камень, разукрасив его алой кровью. Крепкие руки мужчины зажимают рану на ноге и пытаются закрыть место попадания, пришедшие выше колена. Вокруг стрекочут пули и рвутся гранаты. БМП, как только началась свистопляска, обратили башни и их тонкие орудия дали залп, разорвав воздух огненными вспышками яркого света.

– Ты только держись, дорогая моя, держись, – говорит Маритон, заматывая рану куском ткани, оторванного от своего плаща, а Легат внимательно их, слушая, чтобы потом был повод вызывать на разговор.

Огонь тяжелого орудия превратил оборону восставших в пыль на теле свободы, ибо сила энергии пушек такова, что прожигает насквозь тела незащищённые бронёй, отчего воздух испортился стойкими запахами горелой человечины. А тем временем два солдата в алых кафтанах подбегают к Анне и уносят её к БМП, где можно оказать более-менее нормальную медицинскую помощь.

– Воины, это ещё не конец, – смотря на мятежников, спасающихся бегством, заговорил Легат. – Нам нужно пробиться!

Маритон поднимается и видит, как уносят девушку, как её чёрный волос покачивается, как на мраморной коже прекрасного лица размазана кровь. Насколько сильно он хочет уйти с ней, что не описать, но Легат, посланный Апостолами, взывает вести их к победе.

Отряд входит в район, минуя завод и углубляясь напрямиком в расположение тонких улочек и разбитых дорог. Впереди Аккумулярий и Легат, позади них идут огнемётчики, обращающие в пепел всякое сопротивление и остальные солдаты адской стеной залпов энергетических карабинов прожигают дорогу. Шаг за шагом на них нападают мятежники, но старое оружие и отсутствие защиты делают из них всего лишь мясо, посланное на убой и вскоре вонь нищеты стала тесниться со стороны «наиприятнейшего» аромата горелых тел.

Снова Маритон шагает по трющобным улочкам, среди разбитых домов и высоких зданий, представляющихся в виде развалин. Стены заводов так же скрывают за своей высотой небосвод. Только теперь каждое окно, не понравившееся солдатам, заливается волной огня, а высокие стены заводов покрываются чёрной коркой и гарью.

Аккумулярий отстреливается из пистолета при нападении. Каждый десяток метров дуло его оружия, издавая сухой треск, плевалось оранжевым лучом, прожигаям плоть до органов, преодолевая даже сопротивление одежды или костей. Пистолет Легата обращал в золу и уголь целые участки тела за доли секунды.

– Вот тот дом! – закричал Маритон, указывая пальцем на высокую развалину, похожую на двадцать этажей бетона после интенсивной бомбардировки.

– Отряд! Усиливаем наступление!

Пятнадцать человек, подавляя всякое сопротивление вокруг себя, устремились к зданию. Мятежники словно предвкушали момента и полезли из всех дыр – подвалы, углы, трющобные дома – отовсюду повывлезали десятки оборванцев с древними винтовками и автоматами.

Маритон и Легат перешли на бег, желая как можно быстрее преодолеть сотню метров до здания, а солдаты ауксиллии прикрыли их, подавив всеми возможными способами контратаку. Пространство готово треснуть от количества пуль и ярких прорезей залпов винтовок, от масс огня, которые плавляли старенький асфальт.

Аккумулярий врывается в подъезд и щекой чувствует обжигающий жар плазмы. Легат выстрелил напрямиком возле его головы и убил отступника, прячущегося в тени. Звуки боя остались на улице, но не потеряли силы звучания и интенсивности. Враг нападает, поэтому всё нужно сделать быстро.

– Что мы ищем?

– Кабинет одного из «Вольников». – Сухо даёт ответ Легат. – По моим данным он должен быть на первом этаже и я даже знаю где, идём.

Два парня вбегают на первый этаж, и Маритон выпускает остаток батареи в коридор, тем самым прожигая головы двум мятежникам. Легат с ходу стреляет в дверь под номером «1». Температура плазмы расплавляет замок, заставляя его топиться и течь по чёрной обугленной древесине. А потом мощный удар подошвы сапога Легата крошит дверь в труху и Маритон вбегает вовнутрь, отстреливая каждого, кто держит в руках оружие.

– Вот, посмотри. – Указывая сквозь дым пистолетом на человека, забившегося под стол, говорит Легат. – Я знал, что найду его. Я делал это во имя Макшины, значит, не мог ошибиться. Аккумулярий, собери документы со стола и закуй его в наручники. С ним нас не тронут его прихвостни и мы спокойно покинем это место.

Пока Маритон собирал всякие бумажки со стола и цеплял кандалы на руки предводителя мятежа в этом районе, Легат достал какое-то устройство и устанавливает его на полу.

– Что вы делаете?

Легат отрывается от процедуры и с философским видом, но всё так же мертвенно, как будто он не человек, а лишённая души машина, поясняет:

– Устанавливая маяк для авианалёта. Всё на расстоянии километра от места жительства особо опасного инфо-еретика будет утоплено в напалме.

– Но как так же, ваше Инфораршество, – возмущённо говорит Маритон. – Тут же люди, ни в чём не повинные.

– Я это делаю по приказу Апостолов, а, следовательно, исполняю волю Макшины, совершаю очищение огнём во имя неё. Запомни, праведное убийство всегда благословляется именем Макшины. Всегда. Именно так мы и живём, так и будем жить, ибо на смертях во имя нашего Бога и существует Информократия! Я это делаю во имя Макшины!

Маритон прям здесь хочет положить из револьвера своего командира и выключить маяк, но понимание бессилия берёт верх и душа буквально проваливается, терзается со всех сторон, плачет и стонет, взывает к человечности, а не холодному исполнению программ по устранению тех, кто лишь подозревается в отступничестве. Но приказы и Легат, с фанатичной верой ни сколько в Макшину, сколько в Апостолов, сильнее всякой любви к людям. Мужчина лишь рассеяно собирает се бумаги и спешит прочь из постройки. Тут больше делать нечего.

Глава шестая. Нежелательное знание

18:00. Ранний вечерний цикл. Город Тиз-141.

Собрание туч, гнёт погоды, общая серость и уныние достигли своего кульминационного момента – началась самая настоящая буря. Сначала, с востока подул штормовой порывистый ветер, а затем грянул гром и полился ливень, спешащий затопить город. Холод и мрак, ливень и ветер стали властвовать над городом, обмораживая странным морозом, невиданного доселе.

Но на капризы погоды мало кто обращает внимание, ибо вокруг Тиз-141 идут непрекращающиеся бои. Отряды полиции, армии, ауксиллии и боевые отряды воинствующих инфокультур топят в крови беззащитное население за Кругом Интеллекта. Легат отдал приказ довести потери среди населения «А-8» и «А-7» до шестидесяти процентов, как наказание за неповиновение и нежелание остановить мятежников. А так же это банальный акт устрашения.

После военных, которым отдан приказ убить тридцать процентов мирного населения, даже не подумавшего взять в руки оружия, пойдут духовники и исповедники, которым вверена роль вбить в сознание одну единственную истину – «восставать против интеллектуальной элиты им не позволено по унижительному статусу рабочих и никто не смеет даже помыслить об этом».

И грозная погода как символ всего происходящего – битвы и вооружённые схватки есть буря, которая становится угрозой для существования Информократии. Но то ли ещё будет...

За окном тот же ураган и тот же ветер, касающиеся ледяной рукой всего пространства, но тут тихо и тепло. Несмотря на общую серость и мрачное затемнение помещения тут комфортно и уютно, потому что сюда не дотягивается вездесущее око «Умного брата», как называют власть. И для чердака многоквартирного и высотного дома тут довольно неплохо.

– Как же ты обнаружила, что тут нет камер? – звучит грубый голос, настроенный в вопрошательной интонации. – И как ничего не заметили в Системе Надзора?

Мужчина, стоя у окна, в блестяще-сером плаще, сложив руки за спиной, внимательно смотрит в окно, рассматривая те дали в трущобах и квадратных километрах руин старого мира, те места, где сверкают вспышки от взрывов и терзают пространство яркие копья энергетических выстрелов.

– Потому, что на этом чердаке их решили не устанавливать, я так думаю. А возможно просто забыли об этом. – Слышится ответ, доносящийся приятным женским голосом. – А что касается Системы... они и так перегружены. У них нет времени проверять, куда ещё можно понатыкать камер.

Парень оборачивается назад. Его чуть-чуть серебристый от седины волос окончательно растрепался, превратившись в копну, немножко колыхнулся, а суровые и холодные черты лица разбавлены лёгкой радостью.

– Маритон, я принесла планшет, – держа в руках небольшое блестящее квадратное устройство, говорит девушка. – Давай посмотрим, что на том диске?

Голова мужчины склоняется в кивке, и пока девушка готовит планшет, парень не отказывает себе в удовольствии ещё раз посмотреть на неё и как можно дольше задержать взгляд единственного живого глаза. Несмотря на ранения руки и ноги Анна не теряет в своей красоте. Чёрный смольный волос приведён в порядок, лицо умыто, а ссадины на лице старательно замазаны кремом. И учитывая, что это дом, где живёт Анна, не удивительно, что девушка решили привести себя в порядок, после тяжёлого дня.

Аккумулярий до сих пор не может понять, как Легат так легко его отпустил, особенно если вспомнить, как Маритон цеплялся за девушку и старательно за ней приглядывал, что за секунду после ранения, что после, в полевом лазарете, когда Киберарий решил подлатать Анну.

Такой непримиримый борец со всем еретическим должен был его отправить тут же на допрос, так как Маритон поставил под сомнения идейные основы государства, ибо создал угрозу создания более чем профессиональных отношений. Но вместо этого Легат отпускает их по домам, приказывая ожидать его вызова, забирая с собой пленника, важные документы и оставшись понаблюдать, как часть квартала сгинула в вихре адского огня авиации.

– Вот, почти загрузился, – твердит миловидная девушка, держа на экране длинные пальцы правой руки, вода по сенсорной поверхности.

– Скажи, Анна, зачем ты пошла со мной? – кидает странный вопрос мужчина. – Ты же знаешь, что это опасно, противозаконно. Тебя могут за это...

– Я знаю, что будет, – понимая, о чём говорит её напарник, обрывает девушка мужчину. – Но ведь то же самое можно сказать и о тебе. Почему ты решаешься получить это знание, если сам ещё с утра обещал убить «Вольника»?

– Анна, душа моя, – с улыбкой на лице и полной свободой чувственного слова, дрожа голосом, делает комплимент Маритон. – Ты умная девушка и должна знать, как я отношусь к этой гнилой власти. И я буду использовать любой способ узнать, за какими ещё преступлениями стоит Информократия.

– Но ты ведь служишь этой власти. Как ты можешь идти против руки, которая кормит тебя? – на прекрасном бледном лице девушки лёг покров удивления. – Помнишь, как ты сам ловил преступников и сажал их? Разве был там твой протест?

– Ты бесконечно права, – чуть усмехнулся Маритон. – Да, *angele mea*, (лат. «ангел мой»), я садил тех, кому сочувствую. Я преследовал тех, за готов был заступаться и внимать каждому слову. Но потом, со временем жалость и вера в доброе будущее ушла. И жизнь моя стала похожа на одно монотонное кино и наступила эпоха безразличия для меня. На всё стало просто плевать. Но ты, душа моя... после встречи с тобой жизнь обрела новый смысл. Ты во истину стала душой.

– Душа... умная... ангел... – монотонно и шёпотом перебирает Анна, как будто ищет подвоха в столь высоких словах. – К чему такие слова? К чему всё то...

– Что называется чувствами? – с улыбкой бессилия на губах со шрамом и болью в живом оке, договаривает Маритон.

– Да? К чему? Ты же понимаешь всё. Да ты и меня не знаешь. Ни моего прошлого, ни кем я была до прихода в Систему.

– Да... но я тебя люблю. Я с тобой отработал долгие года и мне этого хватит, чтобы тебя понять.

– И что мне теперь делать с этим знанием? Маритон, ты понимаешь, что нам нельзя и щепотки чувств к друг другу проявлять, – мрачно говорит Анна. – Ты же всё знаешь и прекрасно осознаёшь, что с нами будет. Мы родились не в то время и не в том месте

– Тогда чем лучше этот культ... информационного дьявола, зачем нужен весь этот прогресс?! – на ярое возмущение сорвался Маритон. – Зачем!? Разве мы лучше севера или юга? Пуская они и в бедности, отсталости, но там люди остаются людьми и это главное. Почему мы должны бегать по Системам Удовлетворения Половых Инстинктов. К чёрту это название! Почему мы должны шляться в борделях, чтобы удовлетворить возвышенное чувство, которое терзает нас? Почему мы должны шараться по психологам, чтобы заглушить изводящие наши души чувства, которые столь высоки, что не одна таблетка их не перекроет? Анна, почему мы должны прятаться?

– Потому, что на этом держится стабильность и порядок, – сухо выдаёт напарница, понимая терзания Маритона, но продолжая отказываться в них поверить. – Так постановили Апостолы. На этом держится наш мир и если надломить одну из его основ – он рухнет. И те же психо-гипнологи очень сильно помогают. Может тебе обратиться к нему?

Горячие чувства Маритона столкнулись, скрытые под толстым слоем эмоционального льда столкнулись с техническим мышлением девушки, которая, по зову характера, отчасти отформатированного в канве основной концепции Инфо-философии. Парень изо всех пытается ей доказать пламенность и серьёзность чувств, но всё это не принимается мышлением девушки, но отлично ощущается душой.

– Знаешь, Анна, есть один случай, о котором я никогда никому не рассказывал. Это случилось на одном из заданий года четыре тому назад. Ты как раз тогда пришла к нам в отдел, – Маритон нагрузился и каждое слово так и чеканит тяжёлой печалью. – Это произошло в аграрном районе номер три. Нам приказали найти предполагаемых информационных вредителей. Нам говорили, что они занимались распространением незаконной информации, которая могла подорвать веру в идеалы Информократии. Но на точке мы нашли совершенное иное...

– Что же?

– Там было... три традиционных семьи, созданных из «А-8» и «А-7». Всё бы ничего, но у них были дети. Сожители пытались спрятать, вместе с семьями, но нам удалось найти их. Мы сообщили центру и нам отдали единственный приказ – привести в исполнение наказания за грубое нарушение Директив Апостолов, – с каждым, словом голос Маритона становился всё мрачнее и печальнее. – А единственное наказание – показательная казнь. Мы бы могли их просто отпустить, но с нами был инфо-священник, который решил продирижировать показательной казнью. Я отказался исполнять его приказы, и он меня просто отстранил от миссии и приказал конвоировать, – дрожь в голосе практически овладела и душой, отчего парня едва ли не берёт тремор. – Я ничего не мог сделать, чтобы предотвратить те казни. Понимаешь, они их убили... родителей... детей... всех... я ничем не смог помочь.

– А что было позже? – голос Анны выдал лёгкую дрожь.

– А потом меня затаскали по судам и комиссиям, и решили оставить на службе, которую я ненавижу до сих пор. Понимаешь, я ничего не сделал, чтобы остановить убийства.

– Вот почему ты появился тогда спустя месяц после того, как я видела тебя в поровый день, – ошарашенно выговаривает Анна, а её прекрасное лицо стало воплощением ужаса и печали. – Как они могли убить детей?

– Да... они с ними покончили прилюдно, чтобы доказать правоту идей интеллектуального фашизма. Анна, а есть ли идеи, которые стоят человеческой и детской крови? – потерянно задаёт вопрос Маритон. – На земле нет такой стабильности, что окупалась бы кровью тысяч невинных человек. Нет её. Все обратные утверждения либо заблуждения сумасшедших фанатиков либо ложь имеющих власть, чтобы прикрыть собственный произвол. – Маритон на секунду замолчал, чтобы вновь стерпеть весь каскад воспоминаний, нахлынувший на сознание разрушительной волной.

– О чём ты задумался? – с трепетом вопрошает Анна. – Давай отвлечёмся от этого. Всё произошло так давно и не стоит это вспоминать.

– Не могу, – дрожит речью Аккамулярий. – Картина тех дней до сих пор стоит перед глазами. Практически каждую ночь я вижу лики тех ребятшек в кошмарах.

Девушка приближается к своему напарнику и по-дружески его обнимает, стараясь унять муки души, идущие за прошлым. Мужчина чувствует теплоту и покой, как только дама прикасается к нему и мёртвая рука страшных воспоминаний отпускает память и душу несчастного человека, даруя ему моментный покой. Как только напряжение отступило, напарница отходит от Маритона, а мужчина к ней устремляет вопрос:

– Анна, скажи, если бы мы жили в другом месте, то может, смогли бы мы быть вдвоём? Там, где нет этих идиотских правил и Директив? В том месте, где человек ещё может быть человеком?

– Не знаю, – растерянно отвечает Анна. – Я не понимаю, как можно что-то чувствовать и тем более любить. Но к тебе я ощущаю нечто странное. Какую-то тягу, которой у меня нет

даже к друзьям. Не могу ответить, – с взглядом, полным невинности, направленным прямо в душу мужчины, говорит мягким голосом девушка. – Честно, не знаю.

– Хорошо, – тяжело соглашается Маритон, переходя на более приятную тему. – Давай лучше перейдём на более... приятную тему. Так, где мой диск. – Рука скользнула в карман, и вынимает дискету, протягивая её Анне.

Пальцы дамы сжались на диске и взяли его, вставив в небольшой разъём. Пара секунд и на экране планшета, сменив заставку в виде двух перекрещенных молний, открывается окно, в котором содержится по три папки.

– Фотографии, видео, документы, – перечисляет Маритон. – С чего предлагаешь начать?

– Давай интересное оставим на потом. Начнём с документов.

– Хорошо, открывай.

Палец девушки скользнул по экрану и открыл папку с соответствующим названием. В ней тут же показалась гряда различных текстовых файлов со странными названиями, которые никогда не изучались Аккамуляриями. Каждый документ имеет перед собой одно название «Исполнительное Руководство». Только после каждого подобного названия следует целая череда других – «Стерилизация», «Чистка», «План по Сокращению» «Доктрина Благого Геноцида».

– Что это? – с удивлением произносится вопрос. – Их тут двадцать штук.

– Открывай содержимое, Анна. Посмотрим. Давай вот этот.

Палец девушки скользнул и документ под названием «Исполнительное Руководство: Стерилизация». Перед напарниками открывается не текст, а на первом электронном белоснежном листе гриф «Абсолютно Секретная Информация».

– Может не нужно? Тут как видишь, секретно. Это может быть опасно.

– Листай, Анна.

Взгляд двоих тут же пал на текст: «Апостолы приказывают утвердить на приграничных Доменах программу принудительной стерилизации населения среди програманн группы «А-8», «А-7», «А-6» «В-5», «С-6», чтобы предотвратить незаконный и неконтролируемый рост несанкционированного населения и тем самым обеспечить достаточность ресурсов на содержание интеллектуальной элиты и поддержать популяционную стабильность».

Текст продолжается ещё на тысячи букв и десятки страниц, разливаясь на килобайты данных, которые могут шокировать даже самого подготовленного человека. Тут всё – и как стерилизовать, в каких объёмах, как поступать с теми, кто отказывается пройти эту программу и как скрыть в тайне всю компанию по ограничению населения.

– Святые инфо-духи, – шокировано содрогается дама. – Что это такое?

– Цена стабильности, дорогая моя, – констатация факта переходит в иронию. – Говоришь, на этом держится и должен стоять наш мир?

– Я не могу поверить, – шок переливается в печаль. – Как такое возможно?

– Давай дальше. Чувствую там много интересного.

Рука девушки пару раз шевельнулась и глаза уже жадно пожирают информацию со следующего документа с названием «Исполнительное Руководство: План по Сокращению», смысл которого таков: «Апостолы приказывают начать на приграничных и срединных Доменах сокращение населения среди тех, кто не входит особо интеллектуальные группы програманн. Данное подразумевает физическое устранение того количества населения на то число, на которое будет превышение количества интеллектуальной элиты. Ликвидация проводится в целях очищения высокоинтеллектуального народа от слабоумных, интеллектуально не одарённых и слабых элементов, которые противодействуют прогрессу. Их уничтожение необходимо, чтобы поддерживать контроль интеллекта над физической силой, обеспечивать большим количеством ресурсов интеллектуальную элиту и во имя правопорядка, а значит и стабильности, так как когда количество вредоносных элементов станет критически большое количество, то возможен бунт

против высокоинтеллектуальной власти». В этом документе так же описываются все инструкции по уничтожению, начиная от расстрела случайно попавшихся лиц, до составления ликвидационных списков и их исполнения посредством сожжения целых кварталов.

– Как же так можно?! – яро возмутилась девушка.

– Ведь это основа стабильности, Анна. Ты же видишь, что для некоторых лиц слишком много благ получается, а откуда они? Естественно, отобрали у тех, кому они причитаются, точнее, убили и забрали, чтобы не делиться.

– Но ведь это...

– Плохо? – подхватил мысль парень. – Анна, не забывая, что сказано в той проклятой инфо-проповеди, которая даёт понятия о том, что хорошо или плохо, – с ликом, едва искажённым в порыве ярости, возмущённо заговорил Маритон. – «Всё, что необходимо – методы и средства, нужные для утверждения власти Информократии и торжества идеологии, которую нам подарили Апостолы, является изначально праведным и справедливым. Кровь неверных и их смерть – вино и хлеб Информократии. Всё, что попытается противостоять установлению власти и идей Апостолов – нечестивая инфо-ересь, которую следует уничтожить».

– Давай лучше перейдём к фотографиям. Прошу, – взмолилась напарница. – Пожалуйста.

– Давай, – небрежно кинул Маритон. – Но не думаю, что будет лучше.

Палец девушки вновь скользит по экрану и заставляет систему перейти в папку, где хранятся фотографии и их сотни. На каждой штамп «Абсолютно Секретная Информация». И все фотографии несут столь разную информацию и разнообразные графические изображения, но все они до последней отражают единственную суть – изуверство. Груды растерзанных пулями, сожжённых и вымоченных в кислоте тел, как доказательство выполнения плана по сокращению ненужной популяции. Чёрно-белые снимки камеры, которая фиксировала налёты авиации на отдалённые общины и деревни, сгнившие в яркой вспышке взрыва бомб. Изображения рассечённых тел на медицинских столах – результаты бесчеловечных экспериментов из которых следовала информация о действии и свойствах человеческого организма. Всё больше возникает фотографий на электронных полотнах являющие жуткие картины – ряды органов, вытасканных из тел програманн «А-8», приготовленных к пересадке к более «правильным» людям, которым срочно понадобилась операция, и они решились взять нужные «запчасти» для собственных тел из организмов «расходного материала».

– Что это?! – крик девушки являет собой помесь страха и озлобленности. – Как так можно поступать с людьми? Они же такие, как и мы! Такие же! Как... – Слова Анны перешли в слёзный плач и щёки с ямочками блеснули горячей слезой.

– Это основа Информократии. Это то знания, та информация, которую они не хотят предоставлять всему народу, ибо вызовет ряд неудобных вопросов. Да и соседние страны это терпеть не станут, возможно.

Слова Маритона прошли мимо ушей. Анна погрузилась в себя, полностью абстрагировавшись от внешнего мира. В голове витает тысяча мыслей, несущих только одну – как можно так долго служить Апостолам на чьих руках столько крови? Они палачи собственного народа – эта мысль дошла только сейчас до разума бедной Анны, которая отказывается поверить, что лелеяное ею устройство общества рождает таких демонов, которые во имя культа информации готовы пускать под нож живых людей и методически от них избавляться, словно это какие-то вещи.

Маритон видит состояние девушки. Она плачет, и слёзы текут из её глаз солёным градом, начиная капать с подбородка. Смятение и ступор медленно ползут по её душе и она готова впасть в истерику. Но этого допускать нельзя. Правой рукой мужчина берёт из рук девушки планшет и суёт в широкий карман плаща.левой прижимает к себе, зажав в тёплых объятиях. Но это объятие не вызывало у мужчины и толики положительных эмоций, ибо прижать к себе выдающего человека, значит, отдать ему часть своего тепла, поработать донором эмоций. А

вот у Анны на душе стало чуть спокойней. Тяжёлая и объёмная рука Маритона прижала её, как котёнка, который желает спрятаться подальше от ужасов алчного ми хищного мира. За напарником можно спрятаться, как за бронёй танка и не чувствовать на себе терзания страшной руки Инфо-философии во имя которой люди режут друг друга, как на бойне.

– Там ещё видео осталось. Досмотрим?

– Давай попробуем, – дрожа, ответила Анна.

Пара кликов по экрану и перед двумя Аккумуляторами воспроизводится видео. Сначала промелькнул знакомый гриф, затем и стала идти динамичная картинка. Пустырь. Только низкая жёлтая трава колыхается на ветру. С одной стороны трое высоких статных мужчины в военной чёрной форме. С другой клетка с пятью людьми. Женский голос за кадром: «Те, кто в клетке приговорены к смерти, но мы нашли им другое применение. Есть информация, что развлечения хорошо способствуют улучшению эмоциональной стабильности человека. Так что сегодня у нас отличное развлечение, в котором нам помогут приговорённые. Хоть на что-то годится этот биомусор». И понеслось. Двадцать минут съёмки представляют собой нарезку из десяти видеороликов, как интеллектуальная элита, те, кто умнее и «мудрее» всех развлекается, истязая и охотясь, убивая или калеча тех, кто решился отойти от основ учения Церкви Машины и слова Апостолов. На каких-то видео людей просто расстреливали после пяти минут погони, но на некоторых обычных нищих или работяг мучили до смерти – загоняли щепы под ногти, разрезали по кускам, заставляли питаться отходами до смерти от отравления или закачивали смертельную дозу наркотика, чтобы позабавиться, смотря как люди умирают от дури. Видеоролик закончился предупреждением, что он только для внутреннего пользования и «непосвящённым» лучше не знать о нём.

– Старый Бог, я не могу это... это...

– Принять, – понимая, что хочет сказать Анна, договаривает за неё Маритон. – Но придётся, если мы хотим жить в этом мире, в этом городе. – Рука мужчины устремляется в сторону окна, передав планшет девушке. – Посмотри, там тот идеальный и великолепный мир, построенные на науке, справедливости и правлении самых просвещённых и умных людей, у которых есть только информация и никого добра или зла, нет и морали. Анна, и чтобы продолжать так жить мы должны всё это принять. Все преступления и изуверства над людьми. Весь произвол. Это должны мы забыть и жить, как будто этого нет, если хотим продолжить жить.

– Зачем мы это сегодня узнали? – растерянно говорит Анна, с риском снова оказаться в истерике. – Что делать теперь с этой информацией, Маритон? Помогите мне. Прошу тебя.

Мужчина ничего не ответил. Он лишь взял планшет в свои руки и свернул на нём все окна и вытащил дискету, а само устройство отшвырнул на пыльное и старое кресло. Маритон просто-напросто прижал к себе девушку, пытаясь согреть, но не теплом тела, а гаснущим с каждым годом огнём души. В этот самый момент девушка уставили на него тёплый взгляд оливковых очей. Они сравнялись губы к губам, и, чувствуя непреодолимую тягу стали тянуться к друг другу, исполненные огнём чувств и желанием поцелуя.

Но внезапно раздаётся звонок в кармане Маритона, оборвавший столь важный момент. Сила звонка такова, что на раз отбросила всякую тишину и трепет момента.

– Я вас слушаю, – раздражённо говорит в трубку Маритон.

– Говорит Легат. Мы должны встретиться там, где собирался Комитет. У нас заседание по итогам операции. Вы нам нужны. Жду вас. Постарайтесь не опоздать и захватите с собой напарницу.

Как только вызов был окончен на чердаке повисла абсолютная тишина. Анна практически вошла в ступор, но что-то её держит от состояния глубокого шока. Она сегодня испытала крушение всего мировоззрения и системы ценностей. Человек опустошён, лишён основы жизни. Девушка посматривает в глаза мужчины и понимает, что есть иной смысл жизни, что-то, что выше всякой идеологии или стабильного общества. Та нежелательная информация,

гнетущее знание открыло истину не только на всё проклятие Информократии, но на то, что стоит выше всякого материального.

– Пойдём, милая моя, – безрадостно говорит Маритон, зная, что близится конец спектакля, устроенного Легатом. – Нас ждут.

Глава седьмая. «Ради общего блага!»

20:15. Поздний вечерний цикл. Оперативный штаб. Тиз-141.

Погода испортилась окончательно. Как только время приблизилось к восьми часам вечера, дождик перерос в натуральный ливень, а деревья, раскинутые за «Кругом Интеллекта» стали качаться так сильно, что их треск прорывается сквозь звонкую дробь дождя и раскаты грома. Очень странный шторм накинута на эти земли, полностью охватив маленький край тьмой и холодом. Ледяной и пронизывающий морозными потоками ветер принёс с собою грузный чёрный небосвод, состоявший из облаков, налитых влагой и тяжестью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.